

Бригадир державы

Сергей Шхиян

Черный магистр

2005

Шхиян С.

Черный магистр / С. Шхиян — 2005 — (Бригадир державы)

Он хотел всего лишь съездить на пикник. Но врата времени отворились и забросили его в далекое прошлое. И теперь он не простой российский парень. Он – БРИГАДИР ДЕРЖАВЫ. В его руках – штурвал истории. В его памяти – будущее России. Продолжение цикла «Бригадир державы»... Узнав, что его жену по приказу царя отправили в дальний монастырь, Крылов отправляется ее выручать. Оказывается, что забрать Алевтину из монастыря слишком рискованно. Такая попытка может стоить ей жизни, и наш герой решает переждать полтора года, до известной ему даты смерти Павла I. Оказавшись в знакомых местах, он ищет чем занять досуг и, случайно садится на старинную могильную плиту, оказавшейся «машиной времени». Не понимая, что с ним происходит, он переносится в середину XIX века и оказывается без документов и средств к существованию в 1856 году.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Шхиян Черный Магистр

Тридцатилетний москвич, обычный горожанин Алексей Григорьевич Крылов во время туристической поездки в заброшенной деревне знакомится с необычной женщиной Марфой Оковной, представительницей побочной ветви человечества, наделенной даром долгожительства. По ее просьбе, он отправляется на розыски жениха, пропавшего во время штурма крепости Измаил. Перейдя «реку времени» он оказывается в 1799 году.

Крылов попадает в имение своего далекого предка. Там он встречает крепостную девушку Алевтину и спасает ее от смерти. Сельская колдунья Ульяна одаряет Алевтину способностью слышать мысли людей, а Алексея, использовать свои врожденные экстрасенсорные способности. Он становится популярным целителем.

У Алексея и Алевтины, начинается бурный роман, оканчивающийся свадьбой. Но в самом начале медового месяца его жену по приказу императора арестовывают и увозят в Петербург. Алексей, едет следом.

Через новых знакомых, таких как московский генерал–губернатор Салтыков, Крылову удастся узнать причину ареста жены. По слухам, дошедшим до императора, ее посчитали внучкой несчастного Ивана VI, сына принца Антона Ульриха Брауншвейгского, русского императора, в годовалом возрасте заточенного в Шлиссельбургскую крепость. Опасаясь появления претендентов на престол, император приказал провести расследование и, убедившись в отсутствии у деревенской девушки, воспитанной как крепостная крестьянка, преступных намерений, отправляет ее в монастырь.

Алексея арестовывают, и в Петропавловской крепости он знакомится с сокамерником, человеком явно не земного происхождения. Во время доверительных бесед «инопланетянин» намекает на существование на земле темных и светлых сил, находящихся в постоянной борьбе друг с другом. В этой борьбе, по его словам, принимает участие и Крылов.

Сокатерники помогают друг другу выжить и вместе бегут из заключения. Новый знакомый, меняет внешность Алексея, превращая его в подростка.

Узнав, что его жену по приказу царя отправили в дальний монастырь, он отправляется ее выручать. Оказывается, что забрать Алевтину из монастыря слишком рискованно. Такая попытка может стоить ей жизни, и Крылов решает переждать полтора года, до известной ему даты смерти Павла I.

Оказавшись в знакомых местах, он ищет чем занять досуг и случайно садится на старинную могильную плиту, оказавшейся «машиной времени».

Не понимая, что с ним происходит, он переносится в середину XIX века и оказывается без документов и средств к существованию в 1856 году...

Глава 1

Холодное осеннее небо, засыпанное знакомыми созвездиями и припорошенное, светящейся пылью несчитанных звезд, опрокинулось над головой от горизонта, до горизонта. По нему неслышно скользила серая вата тяжелых рваных облаков. Низкая ущербная луна то пропадала неизвестно куда, то опять появлялась на прежнем месте, и тогда казалось, что она вот-вот свалится на землю, сразу же за темным, монотонно шумящим лесом.

В воздухе пахло прелой листвой, грибами, сырой травой и бесприютностью. Ветер налетал редкими, налитыми влагой порывами, и оставлял после себя на черных стволах деревьев холодный пот осени.

Над моей головой пронзительно закричала выпь. Я вздрогнул и поежился. Только таких странных напоминающих рев быка криков с небес мне сейчас не хватало для полного счастья. Всего несколько часов назад я спокойно обитал в уютном веке просвещения и не собирался ввязываться ни в какие опасные авантюры. И вот теперь, вместо того, чтобы мирно сидеть за гостеприимным столом портного Фрола Котомкина и ужинать, стою в полной темноте и неизвестности, слушая жуткие крики ночной птицы.

Опять меня куда-то занесло. Вернее сказать, унесло. Потому, что единственное, в чем я твердо был уверен, это в точке пространства, в котором находился. Однако, не знал не менее существенного фактора – в каком времени находится эта самая точка.

За моей спиной на фоне темного неба высился старинный острог или хоромина, как кому удобно называть, памятник старины времен Иоанна Грозного, довольно мрачное строение вблизи небольшого русского города Троицка. У местных жителей это сооружение пользовалось самой дурной славой. Только поэтому, как мне кажется, заброшенная деревянная крепость смогла простоять не разграбленной и не разрушенной несколько столетий.

Впервые я попал сюда около четырех месяцев назад, в начале июня 1799 года. Причем попал не по собственной воле, а был завлечен обманом. Меня заманили и едва не принесли в жертву обыкновенному рогатому козлу с позолоченными рогами. Ребята, которые развлекались подобными кровавыми забавами, принадлежали к какой-то непонятной секте, имеющей, как мне позже удалось выяснить, большое количество последователей и разветвленную сеть филиалов по всей Европе. Они в своих ритуалах применяли мрачную средневековую атрибутику и с излишней серьезностью относились к «отправлению культовых мероприятий». Я условно назвал их сатанистами и несколько раз тщетно пытался добраться до их руководства, чтобы сказать свое негодующее «фе».

Впрочем, жизнь они мне особенно не осложняли. Напротив, получилось, что это я постоянно вставлял им палки в колеса, путался под ногами и делал мелкие пакости. Уже в первую встречу, в здешней хороmine, умыкнул их реликтовую саблю и во время самообороны убил несколько активных членов.

Те четыре месяца, что я провел в XVIII веке, оказались так насыщены приключениями и злоключениями, что в нескольких словах рассказать о них просто невозможно. Потому любопытствующих я могу только отослать к предыдущим частям своего рассказа.

[*Подробнее об этом рассказано в предыдущих романах серии «Бригадир державы» «Прыжок в прошлое», «Волчья сыть», «Кодекс чести», «Царская пленница», С-Пб изд «Северо-Запад Пресс», 2004-05*]

То же, что произошло сегодня вечером, было результатом обычного непродуманного поступка. Вместо того, чтобы спокойно ждать приезда в город главы местной епархии епископа Филарета, который, как я надеялся, мог помочь выручить из монастырского плена жену, заточенную туда по приказу императора Павла, я от нечего делать полез обследовать эту про-

клятую хоромину. Закончилось это тем, чем обычно кончаются глупые действия – большой неприятностью.

Не успел я перебраться через крепостную ограду, как туда явились сатанисты. Чтобы не попасться им в лапы, мне пришлось прятаться в бурьяне. Там-то я и вляпался в новую историю. Причем совершенно случайно. Чтобы не сидеть на голой земле, я примостился на какой-то каменной плите. Однако, оказалось, что это не могильный памятник, как я сначала подумал, а что-то вроде машины времени. Обнаружил я это случайно – вдруг, совершенно неожиданно, у меня разболелись зубы. Когда же мне удалось понять связь между ноющими зубами и мистической плитой, отыгрывать ситуацию назад было уже поздно. Я очутился не в «своем» XVIII столетии, к которому привык и с которым даже сроднился, а вообще неизвестно в каком времени. Причем оказался к этому совершенно не подготовлен.

Когда из начала двадцать первого века я переместился в конец восемнадцатого, мне, пожалуй, было менее кисло, чем сейчас. Тогда я, по крайней мере, не знал, что со мной произошло. Потому дело обошлось без психологического шока. Когда же, в конце концов, понял и оценил ситуацию, все проблемы с пребыванием в чужой эпохе уже как-то решились сами собой. Теперь все обстояло несколько иначе. Сейчас я уже представлял, каково оказаться в чужом времени, без документов, денег и прошлого...

...Кругом было темно. Ущербная луна была не в силах разогнать сумрак ночи, тем более, что ее все время заслоняли низкие облака, черными громадами пробегавшие по холодному осеннему небу. Из-за темноты идти в город коротким путем через огороды я не рискнул. Спешить мне, увы, больше было некуда, и я поплелся по проезжей дороге.

То, что меня занесло не очень далеко в будущее, можно было догадаться по чистому воздуху, лишенному индустриальных ароматов, и тусклым фонарям. Зная о неспешном развитии экономики в дореволюционной России, я не надеялся, что здесь что-то сильно изменилось. Сколько бы ни прошло времени, хоть сто лет, Троицк останется Троицком – заштатным уездным городком без внятной истории и достопримечательностей. Случись обратное, его славное имя, как минимум, было бы мне известно еще в прежней жизни.

Однако, то, что я увидел, попав на его окраину, приятно удивило. Центральная улица, вдоль которой жила основная часть горожан, оказалась вымощена камнем! Мало того, кое-где ее освещали уличные фонари. Город заметно разросся. От главного «проспекта» теперь расходились боковые улицы. Изменились архитектура и планировки застроек. Если раньше дома стояли в глубине подворий, отгороженные от внешнего мира высокими глухими заборами, то теперь большая их часть выходила фасадами и окнами прямо на улицу или в палисадники.

Разглядеть как следует другие новшества и подробности из-за темноты я не мог, но то, что увидел, никак не связывалось с представлением о прежнем, провинциальном убожестве и сиротстве. Прогресс был налицо. Вскоре я подошел к первому уличному керосиновому фонарю. Масляные, которыми освещался старый Петербург времен матушки Екатерины, давали меньше света, а предположить, что до здешних мест дошел газ, было бы слишком невероятно. Рассмотрев чугунный фонарный столб как некое чудо цивилизации, я двинулся в сторону центра. Несмотря на раннее вечернее время, людей на улице не было, и светились только редкие окна. Меня в этот момент занимала мысль, каким образом выяснить, в какой год я попал. Спрашивать об этом у прохожих мне почему-то не хотелось.

Судя по изменениям, произошедшим в городе, сейчас был конец девятнадцатого века. В крайнем случае, его вторая половина. Я напрягся, пытаюсь вспомнить, какие метаморфозы претерпевал в этом веке русский рубль. В мыслях копошились какие-то обрывочные сведения о денежной реформе, приведшей к замене ассигнации на кредитные билеты. Однако, когда это произошло, при каком царе, я так и не вспомнил. Единственное, что я смог нарыть в памяти, это то, что к этой реформе был причастен граф Витте. Оставалось только вспомнить, когда он был министром финансов.

Вопрос о деньгах был крайне актуален. Мне очень хотелось кушать. Начинать свою карьеру в этой эпохе со скандала в трактире за попытку всучить фальшивые, вернее, вышедшие из обращения деньги, явно не стоило. А есть хотелось все сильнее. Мой молодой, растущий организм требовал систематического питания.

С этим самым организмом я еще не вполне сроднился. Чтобы была понятна суть дела, расскажу о секрете своей неожиданной молодости. Как-то в тогдашней столице Российской империи Санкт-Петербурге меня «запечатали в конверт». Для тех, кто не знает, что это такое, объясню: «конверт» – это тюрьма. Тем же гражданам, кому еще не посчастливилось посидеть в российской тюрьме, но кто чтит и Уголовный кодекс, и народную мудрость, напоминаю, что в нашей Отчизне ни от тюрьмы, ни от суммы (дефолта), отречься нельзя ни в коем случае. Тогда я этого еще не знал и был неприятно удивлен, когда меня самым банальным образом посадили. Правда, не в привычные, любимые народом Кресты, а в памятник архитекторы XVIII века, построенный архитектором Трезини. Короче говоря, меня упекли в тогдашнюю питерскую тюрьму, в один из бастионов Петропавловской крепости.

Моим соседом по каземату оказался весьма необычный человек, с которым я успел подружиться. Позже у меня возникло подозрение, что все фокусы, которые со мной произошли, не обошлись без участия этого тюремного приятеля. После того, как мы несанкционированно покинули место лишения свободы, у меня сама собой поменялась наружность. Из высокого славянина я превратился в низкорослого азиата. Правда, потерю роста мне компенсировали возвращением отрочества. Однако, на этом метаморфозы не кончились. Не далее, как в предшествующий описываемым событиям вечер, я внезапно подрос и стал похож на самого себя времен прыщавой юности.

И вот, в таком подростковом состоянии, я оказываюсь неведомо в каком году, с пачкой ассигнаций, выпущенных в обращение в предыдущем веке.

Само собой, первым делом я пошел туда, откуда недавно вышел, в дом портного Котомкина. Здесь все коренным образом изменилось. На месте рубленой избы оброчного крестьянина высился очень неплохой двухэтажный каменный особняк. Окна его были освещены. Я остановился у ворот, претенциозно решенных в «замковом» стиле. Две башенки с островерхими крышами стерегли въезд во двор. Сами литые чугунные ворота оказались открытыми настежь. Мне захотелось войти и посмотреть, что еще здесь нового. Я остановился, не зная как поступить: войти или не беспокоить незнакомых людей. В этот момент кто-то взял меня сзади за плечо. Я вздрогнул и чуть было не отскочил в сторону. Круто повернувшись, я увидел незнакомого, ласково улыбающегося мне господина в длинном летнем пальто.

– Как это вы, голубчик, решились так, в таком костюме да еще с палашом гулять по городу? Не ровен час, напугаете околоточного! – весело сказал он.

Я пробормотал что-то нечленораздельное.

– Пойдемте скорее, а то Екатерина Дмитриевна будет сердиться, – продолжил незнакомец. – Она ужасно не любит, когда опаздывают на репетицию.

Ни этого господина, ни Екатерину Дмитриевну я не знал и, понятное дело, ни о какой репетиции до этого момента слыхом не слыхивал. Однако, приглашение давало возможность легально проникнуть в дом, и было грех им не воспользоваться.

Я не стал ломаться и выяснять, за кого меня принял ночной собеседник, кивнул и молча пошел следом за ним. Человек был явно подслеповат, и мне пришлось поддерживать его за локоть, чтобы он не спотыкался на ступенях крыльца.

– Я думал, что у вас уже кончились вакации, и вы вернулись в гимназию, – говорил он, пока мы поднимались на крыльцо. – Екатерина Дмитриевна очень сетовала, что придется отложить постановку пьесы до следующего лета.

Я опять промолчал, догадавшись, что он меня с кем-то перепутал. Теперь стало понятно, что в доме идут репетиции какой-то пьесы, и один из актеров, скорее всего приезжий студент или гимназист, не дотянул до постановки спектакля.

Когда мы поднялись на крыльцо, мой спутник позвонил в дверь, и нам открыла миловидная девушка в белом фартуке, с кокошником на голове.

– Здравствуй, Марьяша, – поздоровался он.

Я тоже поздоровался, не высовываясь из-за его спины.

– Здравствуйте, Михал Матвеевич, – певучим голосом ответила барышня. – Здравствуйте, Александр Степанович, – добавила она, пытаясь заглянуть за спину Михаилу Матвеевичу.

Я поздоровался и отвернулся, чтобы девушка не смогла меня рассмотреть. Мы вошли в богато обставленную прихожую. Михаил Матвеевич снял габардиновый пыльник и мягкую широкополую шляпу, я, соответственно, треуголку. Одежда на мне выглядела не лучшим образом, и вид у меня был слегка помятый. Марьяша приняла наши вещи, повесила на вешалки и упорхнула в глубь дома.

Вероятно, мой спутник был здесь за своего, и потому без церемоний прошел в соседнюю комнату, оказавшуюся гостиной. Я вошел следом и мельком оглядел интерьер. Здесь жили вполне обеспеченные люди из верхушки среднего класса. Обстановка в комнате была новая, дорогая, но без выкрутасов и излишеств.

В этот момент, шурша шелковым платьем, в комнату вошла молодая, красивая женщина. У нее были пепельного цвета волосы, уложенные в высокую прическу, округлый подбородок, чувственные губы и большие карие глаза. Она ласково улыбнулась Михаилу Матвеевичу и строго посмотрела на меня.

– А вы какими судьбами, молодой человек? Вы, кажется, сегодня должны были уехать в гимназию? Я и репетицию отменила... – говорила она, внимательно глядя в меня, и постепенно на ее лице появилось недоумевающее выражение.

Я понял, что сейчас буду разоблачен, и потому перехватил инициативу.

– Прошу простить, сударыня, – сказал я почтительно, но, как мне показалось, светски раскованно. – Михаил Матвеевич перепутал меня в темноте с Александром Степановичем, а мне чрезвычайно хотелось взглянуть на ваш милый дом изнутри. Вот я и воспользовался его ошибкой. Позвольте представиться, Алексей Григорьевич Крылов.

Пока я говорил, недоумевающее выражение лица хозяйки перешло в насмешливое. Она разглядывала меня, не скрывая иронию. Назвав себя, я замолчал, давая возможность отреагировать на мое признание. Думаю, что я, скорее всего, выглядел совсем нелепо, и мой виноватый вид развеселил хозяйку.

– Весьма польщена, – после небольшой паузы, сказала хозяйка. – Я Екатерина Дмитриевна Кудряшова, здешняя обывательница. Изволите быть местным жителем?

Она представилась и говорила церемонным тоном, смеясь только глазами.

– Нет, я в Троицке проездом. Попал сюда совершенно случайно, а так как мне раньше доводилось бывать в вашем городе, не мог отказать себе в удовольствии посмотреть, как он изменился за последние годы, – пространно объяснил я.

Возможно, я и зарывался, но мне очень хотелось есть. Остаться здесь на ужин было очень соблазнительно.

– Ну и как вам изменения? – поинтересовалась Екатерина Дмитриевна, с трудом скрывая веселые искорки в глазах.

«Чего это она так развеселилась?» – подумал я. Вслух же сказал:

– Впечатляют. Мощная дорога, фонари. Ваш дом, наконец. Когда-то на этом месте было подворье портного Фрола Исаевича Котомкина...

Договорив фразу, я прикусил язык, но, кажется, поздно. Смешинки в глазах хозяйки пропали, их выражение стало скорее испуганным.

– А что вы о нем знаете? – поинтересовалась она.

Понимая, что зарепортировался, я попытался уйти от прямого ответа и перевести разговор на другую тему.

– Не то что бы знаю... меня больше интересует городское зодчество, вот в этой связи...

Однако, Екатерина Дмитриевна не дала себя заговорить и вернулась к прерванной теме:

– Мой прадед не был столь известным человеком, чтобы о нем помнили посторонние.

– Ну, а если я краевед и знаю о нем по старым записям в городских книгах?

– Вы же не местный житель! – перебила Екатерина Дмитриевна.

– Да, я действительно приезжий и совершенно случайно, исследуя историю, так сказать Отечества, узнал историю вашего прадеда...

Я начал нести такой странный вздор, что сам себе диву давался.

К тому же меня начало покачивать, как будто подо мной был не пол, а корабельная палуба.

– То, что вы правнучка Фрола Исаевича – это чрезвычайно приятно. Надеюсь, он в добром здравии. О-очень почтенный человек, хотя портной, между нами, так себе. Как, кстати поживает его дочь, Евдокия Фроловна? Увидите, передавайте привет...

В голове у меня звенело, и слова произносились машинально, через силу. Почему-то казалось, что меня сейчас выгонят из дома, а очень хотелось есть и страшно было выходить одному в темноту.

– Никогда бы не подумал, что вы Дунина внучка, совсем на нее не похожи, такая красавица, Семен, он тоже... Дедушку вашего зовут Семеном?

Я хотел еще сказать, что был дружен не только с ее бабушкой, но и с дедушкой, но не смог сформулировать мысль и окончательно запутался в словах. Мысли куда-то разбежались, и я растеряно оглядел присутствующих. Сцена была забавная, как в последнем акте «Ревизора». Мне стало стыдно, что я так напугал этих приятных людей.

– Пожалуй, мне пора, – через силу проговорил я. – Очень приятно было познакомиться.

Я попытался поклониться, но голова потянула вниз, а пол начал почему-то приближаться к лицу. Краем сознания я успел зафиксировать женский крик. Потом услышал, как кто-то начал стучать в пол каблуками. Я хотел спросить, что, собственно, здесь происходит, но не спросил, потому что все перемешалось, и спрашивать стало не у кого. Перед моим лицом трепетала занавеска, а сверху, вдалеке, вместо неба, был белый потолок.

Чья-то мягкая ладонь легла мне на лоб, и дребезжащий старческий голосок сказал:

– Смотри, Катя, барин очнулся!

– Бабушка, я тысячу раз просила вас, не называть его баринном.

– Прости, милая, но я уж буду по-своему, по-старому, как же не барин, коли барин.

– Кто барин? – поинтересовался я.

Рука на моем лбу дрогнула и исчезла, а надо мной склонилось женское лицо, которое я когда-то видел.

– Как вы себя чувствуете? – спросила женщина, забавно шевеля полными, ярко очерченными губами.

– Хорошо, – ответил я, – только очень хочу спать.

– Вот и замечательно, поспите, мы вам мешать не будем.

Я хотел сказать, что ни рука, ни лицо мне не мешают, напротив, они очень кстати, с ними легко и покойно, но не успел, чувствуя, что проваливаюсь в сон...

Глава 2

Проснулся я от тихого шепота. Взгляд уперся в керосиновую лампу, под зеленым абажуром, стоящую на столе напротив кровати. Такие богато украшенные лампы я видел только на Калужской площади в антикварном магазине, еще в советские времена. Стоили они очень дорого. Эта мысль зацепилась за сознание и мешала сосредоточиться на окружающем.

– Он просыпается, – сказал кто-то невидимый.

– Где я?

– Не волнуйтесь, – ответил тот же голос. – Вы у друзей.

– Вы кто?

– Я ваш доктор.

– Что со мной случилось?

– Вы заболели, но теперь поправляетесь.

Я с усилием повернул голову и увидел говорившего со мной мужчину. Это был молодой человек, лет двадцати восьми. У него были пышные темные волосы, усы со слегка загнутыми кончиками и шотландская бородка. Одет он был в пиджак из мягкой, толстой ткани, рубашку с высоким воротником, украшенную широким галстуком-бабочкой.

Я начал вспоминать, что со мной случилось. Память возвращалась медленно и неохотно.

– Какой сейчас год? – спросил я, реализуя мысль, засевшую в памяти когда-то очень давно.

– Пятьдесят шестой, – ответил доктор.

– Чего, пятьдесят шестой, девятьсот пятьдесят шестой?

– Что это вы, голубчик, говорите! Какой может быть девятьсот пятьдесят шестой! Вы, почитай, почти тысячу лет упустили! Сейчас уже тысяча восемьсот пятьдесят шестой год. Вы только не волнуйтесь. Мы находимся в России, в 1856 году, в том же году, когда вы и заболели. Вы несколько дней были без сознания, а сейчас у вас небольшая потеря памяти. Скоро вы поправитесь, и все будет в порядке.

Кое-что я и вправду начал вспоминать.

– Это, что дом Котомкиных?

– Вот, видите, вы уже кое-что припомнили. Да, это дом принадлежит вдове купца первой гильдии Кудряшовой, а Котомкина – девичья фамилия ее бабушки, Евдокии Фроловны.

– Дуни?

– Ну, если вам так угодно, то бабушки Дуни.

– А где она? И откуда у нее взялась внучка?

– Она здесь, в комнате, – терпеливым тоном, каким обычно врачи говорят с душевно-больными, сказал доктор. – А внучка, ну не знаю, откуда взялась, скорее всего, родилась, как и все...

– Дуня здесь? – переспросил я. – Где она?

– Здесь я, батюшка барин, Алексей Григорьевич, – зазвучал уже слышанный мной ранее старческий голосок. – Живая, здоровая.

Доктор диковато посмотрел мимо меня, куда-то в сторону, и в поле моего зрения всплыла старушка в черном платочке и коричневом шерстяном платье.

– Вы... Дуня?! – поразился я.

– Я, батюшка, она самая и есть

До меня стало доходить. Я пристально посмотрел старушке в лицо и сквозь безжалостное время разглядел знакомые черты. Бабуля улыбнулась той же, что и раньше, немного смущенной улыбкой и прикрыла беззубый рот уголком платка.

– Что, постарела?

– Здравствуй, Дуня! – искренне обрадовался я знакомой душе. – Вот не думал, не гадал тебя встретить!

– А уж как я рада! Ты, барин, как тогда уехал, так мы все тебя вспоминали и гадали, как ты? К нам и братец твой младший приезжал, Александр Григорьич, да только вышел на минутку и навек сгинул. Батюшка очень расстраивались. Все, бывало, сетовал, как же мы братца-то Алексея Григорьевича не уберегли.

– Ничего с ним не случилось, – успокоил я старушку. – И по сей день живой, здоровый.

Потом обернулся к доктору, который с отвисшей челюстью наблюдал за нашими семейными воспоминаниями.

– Так вы говорите, сейчас пятьдесят шестой год?

– Совершенно верно, – подтвердил он, часто моргая, как от яркого света, глазами. – Уже почти девять месяцев пятьдесят шестой, а за ним будет следующий, Пятьдесят седьмой! А потом, если позволите, пятьдесят восьмой...

– Значит тебе, Дуня... вам, Евдокия Фроловна, – поправился я, – около семидесяти лет?! – Оставив эскулапа подсчитывать предстоящие года, я обратился теперь к Дуне.

– Я, батюшка барин, своих годов не считаю, – ответила она и вдруг заплакала. – А ты, Катя, говоришь, что Алексей Григорьевич не наш барин! – с упреком сказала она куда-то в сторону – Теперь, поди, сама убедилась!

Я повернул голову и увидел «внучку», это была та самая красивая женщина, с которой я познакомился, когда вечером зашел в новый дом Котомкиных. Она смотрела на меня такими удивленными глазами, как будто ей показывали мудреные фокусы.

– Вы Екатерина Дмитриевна? – спросил я.

– А вы Алексей Григорьевич? – Она явно не знала, как реагировать на все происходящее и что еще сказать. После паузы нашлась: – Вы правда знакомы с бабушкой?

– Да, знаком. Мы встречались, когда она была девушкой.

– Бабушка – девушкой! Это когда же было! Тогда сколько вам лет?

– Мне... видите ли...

Я начал лихорадочно соображать, как бы логичнее объяснить свое теперешнее «юное состояние».

– Мне, собственно, вероятно, лет шестнадцать, семнадцать...

– По виду, я бы дала вам все тридцать, – почему-то сухо сказала хозяйка.

– Не может быть! – обрадовался я. – Значит, я уже повзрослел!..

– Вы не волнуйтесь, голубчик, – вмешался доктор, на которого перестали обращать внимание, так все были заняты распутыванием ситуации. – Такие случаи, как ваш, не такая уж редкость. Я сам, правда, не встречал, но в медицинской литературе они описаны. Некоторые люди очень быстро стареют, виноват, взрослеют. Вот и вы, вдруг выросли и повзрослели, так что можете себя не узнать...

– Это произошло за время, которое я провел здесь?

– Да, знаете ли, но как-то все получилось незаметно...

– Тогда все ясно. Я все эти годы провел в летаргическом сне, а, пробудившись, естественно, постарел.

Байки о людях, засыпающих на несколько дней или даже лет летаргическим сном были очень популярны в середине девятнадцатого века. Даже Николай Васильевич Гоголь поверил им настолько, что очень боялся, что заснет, а его живого похоронят.

– Как это в летаргическом сне?! – в один голос воскликнули и Екатерина Дмитриевна, и врач.

– Этого я вам объяснить не могу. Помню только, что пошел прогуляться по окрестностям Троицка в 1799 году и заснул в лесу. А, проснувшись, вернулся в дом Котомкиных и ничего не узнал, так здесь все изменилось.

Кажется, версия у меня получилась вполне логичная, не знаю только, насколько убедительная. Слабым местом ее было то, что пошел-то гулять Крылов-младший, а проснулся и свалился им на голову старший.

– Вы не шутите? – с тревогой спросил доктор.

– Отнюдь. Вы, наверное, видели мое платье? Вы думаете, я его украл в музее? Евдокия Фроловна сможет подтвердить, что я тогда исчез, а теперь, вернувшись, не очень изменился.

– Как же, ты, голубь, нашими зимами-то спал! – в подтверждение моей версии запричитала, а потом от жалости заплакала Дуня. – Поди, замерз совсем!

– Но ведь это фантастический факт, такой случай не описан ни в одном медицинском журнале! Это сообщение произведет фурор! Будет потрясена вся мировая медицина! – вскричал ошарашенный эскулап.

– Доктор, умоляю, только без мировой медицины! Вы представляете, что будет, если публика узнает правду! Меня просто затравят!

– Но, как же, это же такие факты, они необходимы для развития науки и прогресса...

– Я вас умоляю! Если вас так волнует прогресс, я просвещу вас относительно известных одному мне методов лечения. Дуня не даст соврать, я весьма изрядный лекарь.

– Они меня от смерти спасли, и всех больных в городе вылечили! – гордо подтвердила Котомкина мою медицинскую репутацию.

– Однако... – только и нашелся сказать доктор. – Надеюсь, вы позволите мне приватным образом ознакомиться с состоянием вашего организма?

– Всенепременно. Вам позволю. А теперь, дамы и господа, не сочтите за невоспитанность, не могли бы вы дать мне что-нибудь поесть. Я уже больше пятидесяти лет голодаю!

– Что вы, голубчик, после такого поста есть опасно...

– А вы, доктор, организуйте мне бульон и сухарики. Это подкрепит силы Да, – крикнул я вслед врачу, отправившемуся на кухню, – мне можно выпить красного вина!

Доктор вышел из комнаты, и в ней остались, кроме меня, только бабушка с внучкой. Разговор отнял у меня много сил, и я бессильно откинулся на подушки.

– Долго я у вас нахожусь? – спросил я.

– Две недели, – ответила Екатерина Дмитриевна.

– И все время был без сознания?

– Да, – просто сказала она.

– Как же вы со мной намучились! – покаянно произнес я.

– Мы очень испугались, когда вы упали в обморок прямо в гостиной. Потом у вас началась горячка. Если бы не доктор Неверов...

– А кто за мной ухаживал?

– Я, – ответила хозяйка и покраснела.

– Спасибо.

– А я тебя, барин, сразу признала, – вмешалась в разговор Евдокия Фроловна. – Как Катюша мне тебя показала, так я сказала, правда, Катя? Это, говорю, наш Алексей Григорьевич, а они мне не верили.

– Но кто же мог подумать, что такое может случиться! Вы, бабушка, тоже хороши! Барин! Барин! Нет, чтобы толком рассказать.

– Умными вы больно, молодые, стали, – сердясь на что-то, явно не имеющее ко мне отношения, сказала старушка. – Мы разве такими были? Мы старших почитали и во всем слушались. Спроси хотя бы Алексея Григорьевича!

– Ну, что касается тебя и Семена... начал я, но одумался и перевел разговор на другую тему. – А как ваши?

Старушка разом отвлеклась и пригорюнилась.

– Эх, барин, сколько годов-то прошло! Тятю, почитай, тридцать лет как схоронили, за ним через год мамоньку. А в прошлом году супруга своего Семена Ивановича похоронила. Эх, какой был человек! Таких нынче нет!

– Извините, вечная им память и земля пухом, – сказал я.

Женщины начали креститься. Мы помолчали, почтив память ушедших,

– Значит, согласился все-таки Фрол Исаевич отдать вас за Семена? – спросил я послушную дочь.

– Согласился. Тебе спасибо, что тятю уломал. Мне бы без Семена Ивановича не жить. Тятя сказывали, что это ты его уговорил...

Мне хотелось спросить про моих родственников, но я не решился прерывать грустные Дунины воспоминания.

– А как вы жизнь прожили, вы же были крепостными?

– Ишь, чего вспомнил. Это когда еще было. Твой братец, Антон Иваныч, тятю вольную дал, почитай года через три, как ты пропал, а Семен Иванович и вовсе свободным был. Он в большие купцы вышел! Так, что тятя не мог им нахвалиться.

Вспомнив успехи мужа, Евдокия Фроловна приободрилась, и я счел возможным задать интересующие меня вопросы, но не успел. Вернулся доктор, и момент был упущен. Вслед за врачом вошла девушка, которую я уже видел. Она внесла поднос с тарелками. Женщины засуетились и помогли мне сесть в постели, подоткнув под спину и бока подушки. Я так ослаб, что сам не мог есть, и кормила меня Екатерина Дмитриевна. Она старательно подносила ложку с бульоном к моим губам и помогала его проглотить, символически сглатывая за компанию. Было похоже, что у Дуни выросла очень хорошая внучка...

Еда так меня утомила, что я начал задремывать на полуслове. Доктор сделал знак женщинам, и меня оставили одного. Я еще несколько минут пролежал с открытыми глазами и незаметно для себя уснул.

Утром меня разбудило солнце, празднично светившее в окно. Я был в комнате один и смог встать с постели. На мне, как ни странно, не оказалось никакой одежды.

– Хоть бы догадались надеть ночную рубашку, – сердито подумал я, разглядывая свое отощавшее тело. Алхимик, как я называл соседа по Петропавловской крепости, или природа вернули мне его без изъянов. Все было вроде на своих местах.

Я сделал несколько гимнастических движений и постепенно увлекся. Мышцы жаждали нагрузки, и я с удовольствием начал разминаться. Было еще очень рано, и предположить, что в такое время кто-нибудь придет с визитом, я не мог, а потому не позаботился даже о набедренной повязке.

Дверь открылась неслышно, и я только тогда понял, что у меня гостя, когда Екатерина Дмитриевна, вскрикнув, выскочила из комнаты. Я бросился на кровать и закрылся одеялом. Однако, она больше не показывалась. Оставалось ждать развития событий. Довольно долго никто не появлялся, и я даже немного обиделся, что про меня забыли. Наконец, раздался стук в дверь. Теперь в комнате появилась не хозяйка, а горничная, та, что вчера приносила еду. Теперь я ее окончательно вспомнил. Гость, с которым я проник в дом, называл ее «Марьяшей».

– Сударь, – сказала она. – Я принесла вам одежду.

– Спасибо, Марьяша, – поблагодарил я.

Девушка, положив узел с платьем на кресло, кокетливо улыбнулась. Марьяша выгодно отличалась от дворовых девушек, встречавшихся мне в XVIII веке. Вела себя естественно и не раболепствовала.

– Это что, моя одежда? – поинтересовался я, не без тайной тревоги поглядывая на узел. Натянуть на себя свои старые вещи я бы не смог ни при каких обстоятельствах.

– Нет, это вещи покойного Иван Иваныча. Ваши совсем истрепались. Екатерина Дмитриевна просила померить, может быть, что-нибудь подойдет.

- А кто такой Иван Иванович?
- Муж Екатерины Дмитриевны.

Мне очень не хотелось надевать вещи покойного купца, но кажется, у меня не было другого выбора.

- А давно он умер?
- Давно, пять лет назад. Я тогда еще здесь не служила.
- Екатерина Дмитриевна хорошая барыня? – поменял я тему разговора.
- Очень хорошая, в ней много душевности и дружества, – похвалила хозяйку Марьяша. Девушка развязала узел с вещами и начала раскладывать их на туалетном столике.
- А что здесь за пьесу ставят? – спросил я ее, вспомнив про несостоявшуюся репетицию.
- Это барыня придумала. Комель называется.
- Понятно.

Говорить нам собственно было не о чем, но Марьяша не уходила, видимо, радуясь разговору со свежим человеком. Мне было не очень удобно лежать голым, до подбородка укрывшись одеялом, но отправить девушку, чтобы встать, было неловко.

- А, вы, барин, правда сто лет проспали? – наконец, задала она интересующий вопрос.
- Слухи значительно преувеличены, – непонятно для девушки ответил я.
- А... я и сама подумала, как же так, сто лет – и такой молоденький.

Марьяша состроила мне глазки и, наконец, собралась уходить.

- Вы, ежели что, только кликните.

Наконец я остался один, встал и запер дверь на щеколду. Заниматься гимнастикой хотелось, и я начал рассматривать вещи покойного купца Ивана Ивановича. Белье было совсем новое, а платье если и надетое, то после этого тщательно вычищенное и выутюженное. Я облачился в исподнее и начал примерять верхнее платье. Купец был ниже и значительно шире меня, однако, если не привередничать, то можно было считать, что одежда оказалась мне почти впору.

Судя по покрою платья, Иван Иванович придерживался старых взглядов на моду и не желал выделяться из своего сословия. Это было странно, его вдова одевалась в хорошо сшитые европейские платья и смотрелась не купчихой, а дворянкой.

Вскоре я полностью экипировался, так что теперь можно было покинуть комнату и поинтересоваться «насчет пожрать». Мой выздоравливающий организм давно забыл про бульон и сухарики, которыми меня потчевал доктор, а накормить завтраком почему-то никто не спешил.

Сразу идти искать столовую было неудобно, и я присел в кресло, ожидая, когда про меня вспомнят. Ждать долго не пришлось, минут через десять появилась Марьяша и оценила мое переодевание:

- Ой, барин, какой вы стали хорошенький, чисто купец. Только рукава коротки.

Действительно, из рукавов поддевки смешно высывались запястья. Поддевка у покойного Ивана Ивановича была сшита из прекрасного тонкого сукна, но, видимо, для купеческого антуража была отделана по талии оборочками.

– Вы где завтракать будете, здесь или в столовой? – спросила девушка, налюбовавшись моей одеждой.

- В столовой, – ответил я.

Мы с ней пошли в столовую, где за столом уже сидела Екатерина Дмитриевна. Она была одета в легкое утреннее платье кофейного цвета. Мы непринужденно поздоровались, так, как будто увиделись сегодня впервые, и не было неловкого утреннего инцидента.

Надо честно сказать, моя хозяйка была чудо как хороша. Самое удивительное, что у нее было нормальное выражение лица. В нем не было жеманства, показного кокетства, туповатой простоватости, ничего, к чему я уже привык в «нашем» XVIII веке. Нормальное, умное лицо современной интеллигентной женщины.

Завтрак был подан вполне европейский, без домостроевского изобилия. В этом аспекте я оказался патриотом-почвенником. Мне уже больше по сердцу было старозаветное разнообразие блюд. Однако, на то, что мы ели, тоже грех было жаловаться.

Вначале разговор не клеился. Было заметно, что Елизавету Дмитриевну мучит любопытство, но, как воспитанный человек, она удерживалась от прямых вопросов. Мы говорили о вещах ничего не значащих, нейтральных, вроде погоды.

– А какова была погода в... ну, тогда, когда вы заснули? – не утерпев, спросила хозяйка.

– В 1799 году? Лето было очень жаркое, но засухи не было.

– Это хорошо, – похвалила она, потом, решившись, спросила. – А где вы находились все эти годы?

Мне очень не хотелось врать и придумывать, поэтому я обошел вопрос, сославшись на незнание.

– Я ведь спал, а вот где и как, к сожалению, не помню.

– Я думаю, – поделилась своими сомнениями Екатерина Дмитриевна, – если бы вы все это время находились на улице, то зимой погибли бы от холода.

– Феномен летаргического сна так мало изучен, что мне сложно об этом судить, – намеренно сложно для понимания этого времени ответил я, чтобы прекратить разговор на щекотливую тему.

– Сейчас наука делает большие шаги вперед, – порадовала меня красавица. – Наверное, в университетах смогут объяснить, что с вами произошло.

– Думаю, что так далеко наука все-таки не шагнула.

– Нет, право, может, вы ведь давно оторваны от общества, и не знаете, как далеко продвинулся прогресс. За последние годы столько сделано научных открытий и изобретено всяких полезных вещей!

– Что вы говорите! – восхитился я. – И что же такое изобретено?

– Очень, очень многое. Теперь из Петербурга в Москву можно доехать меньше чем за сутки!

– Не может быть! Это каким же образом?

– По металлической дороге, на паровой машине. Такая дорога в России существуют уже пять лет! Мало того, теперь, кроме парусных, по морям плавают паровые корабли. Они могут двигаться даже тогда, когда нет ветра! Вы, вероятно, заметили в своей комнате лампу, которая горит без свечей?

– Заметил.

– Теперь таких ламп делается все больше, и ими скоро будут пользоваться даже бедные сословия. В лампе горит специальная жидкость «керосин», который добывают из горного масла.

Екатерина Дмитриевна оказалась образованной женщиной и яркой сторонницей прогресса. Она воодушевлено знакомила меня с чудесами новейшего времени, а я исподтишка любовался ее оживленным лицом. Когда скромные достижения первой половины девятнадцатого века были перечислены, мы перешли к другому злободневному вопросу, эмансипации женщин. Эта тема только-только становилась модной и чрезвычайно волновала мою милую хозяйку.

Я не только выслушал от нее гимн женскому равноправию, но и горячо ему посочувствовал. Такого благодарного, понимающего слушателя Екатерина Дмитриевна встретила, скорее всего, впервые. Мужчины ее времени к проблеме женской независимости относились скептически, как к бабьей блажи, что очень обижало дунину внучку. Я же не только поддержал саму идею, но развил ее и углубил. Это так вдохновляло Екатерину Дмитриевну, что во время разговора она несколько раз нечаянно брала меня за руку. Мне это было почему-то очень приятно,

и один раз я, не удержавшись, поцеловал ей ручку. Екатерина Дмитриевна слегка нахмурила брови, отобрала руку, но не рассердилась и продолжила разговор.

Наш завтрак затянулся на два часа, пока хозяйка не спохватилась, что я еще недостаточно здоров, чтобы так долго сидеть за столом. Торчать одному в комнате мне было скучно, и я предложил ей просто перейти в гостиную, что мы и сделали.

Теперь мы сидели друг против друга и прикосновения исключались. Мне оставалось только любоваться собеседницей и восполнять свои скудные знания истории моей родины из первых рук. Женскую проблему мы пока оставили, и я перевел разговор на более злободневную для меня тему: в какой России я нынче оказался.

Политика Екатерину Дмитриевну интересовала меньше, чем прогресс, но ее знаний современных реалий хватило, чтобы я въехал в ситуацию. Оказалось, что император Николай Павлович умер в феврале прошлого года, а Россия проиграла очень большую и кровопролитную войну, которую я по незнанию считал просто Краткосрочной Крымской кампанией. Эту серьезную и масштабную баталию мое отечество начало против Турции, чтобы покровительствовать живущим под ее властью единоверцам, ну и заодно прихватить на западе чужой земли.

Разбив турецкий флот и оккупировав часть Молдавии и еще какую-то Валахию, о которой я вообще услышал впервые, Россия, видимо, перепугала своими аппетитами всю Европу. Тотчас заклятые конкуренты Франция с Англией объединились, да еще и вступили в союз с Турцией против России. Австрийская империя начала грозить нападением с запада. Началась крупная заварушка с локальными столкновениями в разных концах мира. Кончилось все Крымской кампанией, о которой я знал только как о героически проигранной войне.

Пропагандируемая доктрина о сверхмощи нашего оружия лопнула, как мыльный пузырь, и унизила патриотические чувства русских. Николай, скорее всего, не вынес унижения и помер то ли от простуды, то ли от инфаркта. По слухам, дошедшим даже сюда, в Троицк, император как бы ища смерти, ездил зимой по Петербургу в открытой коляске в одном мундире. Восшествие на престол интеллигентного Александра Николаевича вдохновило русское общество, посеяв в нем семена либерализма и радужные иллюзии.

Уяснив ситуацию в стране, я попытался перевести разговор на саму Екатерину Дмитриевну. У меня пока не было чувства, что я в нее влюбляюсь, но смотреть на нее и говорить с ней было чрезвычайно приятно. Однако, разговора на самую интересную для большинства женщин тему о себе, любимой, моя хозяйка не поддержала, отделившись двумя-тремя общими фразами. После чего собеседница заметно поскучилась, и мне, для оживления разговора, пришлось взять инициативу в свои руки.

Я, как мог красочно, живописал ей «преданья старины глубокой» про жизнь в конце прошлого века и про ее известных мне предков. Моя демократическая, антикрепостническая позиция ей импонировала, хотя и удивляла своей левизной. Как большинство молодых людей, Кудряшова считала, что только ее поколению открылся свет разума, а мы, их предки, пребывали в темноте и скудоумии.

Мои свежие впечатления от жизни и уклада прошлого века Екатерину Дмитриевну, очень заинтересовали. Правда, постепенно разговор начал смещаться с ее предков, Фрола и Семена, на меня. Как я догадался из отдельных реплик, о моей любовной истории она знала довольно много из рассказов бабушки. Романтическая история доброго барина и простой крестьянки, прерванная вмешательством кавалерийского отряда, с течением времени обросла многими добавлениями и подробностями. Она превратилась в подобие сказки с трагическим концом, и это не могло не волновать пылкую натуру молодой женщины.

В конце концов, мне пришлось рассказать все с начала до конца, понятно, в адаптированном, романтически бесполом варианте. В пересказе моя история начала смахивать на ком-

пиляцию из двух повестей Пушкина «Барышня-крестьянка» и «Дубровский». Меня успокоило только то, что все любовные истории чем-то похожи друг на друга.

Для тех, кто не знает начала моих приключений, поясню в нескольких словах, что со мной произошло не далее, как четыре месяца назад. Не успел я попасть в восемнадцатый век, как встретил совершенно необыкновенную женщину. Она была сенной девушкой в имении моего предка, которое незадолго до того он получил в наследство. Как-то так получилось, что мы, люди разных эпох и культур, полюбили друг друга. Однако, наше счастье длилось очень недолго. По приказу императора Павла, Алю, так зовут мою жену, арестовали и увезли в столицу. По непроверенным данным, она имела какое-то касательство ко второй ветви царского дома, происходящей от старшего брата Петра I и, теоретически, могла претендовать на российский престол. Я попытался выручить Алю из царского плена, но это ничем не кончилось. Вернее будет сказать, кончилось тем, с чего я начал рассказ. Вместо того, чтобы оставаться в 1799 году, я оказался здесь, в 1856.

Мое долгое, взволнованное повествование растрогало слушательницу. Когда я кончил рассказ, она задумалась, а потом совершенно неожиданно сказала:

– Я помню вашу жену...

– Кого вы помните? – удивленно переспросил я.

– Алевтину Сергеевну, она несколько раз заезжала к бабушке, когда бывала в наших краях.

– Аля бывала здесь?!

– Да, когда приезжала из Петербурга в свое имение Завидово.

– Аля приезжала в Завидово, какое она имеет к нему отношение?.. – начал я и замолчал на полуслове.

Этим самым Завидовым владел один красивый тунеядец по фамилии Трегубов, недолго прослуживший любовником Екатерины II и награжденный за это целым состоянием.

– Вы разве не знали? – виноватым голосом сказала Екатерина Дмитриевна. – Да что я за глупости говорю, откуда вы могли знать, вы же спали...

– Значит, не зря я, когда Ваську Трегубова лечил, почувствовал, что он на нее глаз положил! – слишком эмоционально воскликнул я.

– Что положил? – не поняла хозяйка,

– Глаз положил... Неважно, это так раньше говорили... Вроде, как заинтересовался. А, Алька-то какова, знала, что Васька на нее запал, а мне ни единого слова не сказала! Нет, Екатерина Дмитриевна, я все понимаю, глупо при данных обстоятельствах иметь какие-нибудь претензии, но врать-то зачем?!

– Кому врать, когда?! – воскликнула женщина с отчаяньем в голосе. – Простите, но я ничего не понимаю!

– Здесь и понимать нечего. Я лечил этого Ваську Трегубова после того, как его ранил волк, точнее сказать, оборотень. Со мной там, в Завидово – это Васькино имение – была и Аля. Я еще тогда почувствовал, что между ними что-то происходит, а она меня обманула, сказала, что он ей даже не нравится.

– Алексей Григорьевич, но ведь это было более полувека назад!

– При чем здесь «полвека»? Это для вас полвека, а для меня два месяца назад, и мне обидно... Впрочем, вы правы, что это я... Ревную, наверное... Этот Трегубов был таким писанным красавцем и то, что называется душкой. В него даже Екатерина влюбилась

– Какая Екатерина?

– Ну, та самая, которая Великая.

– Что вы говорите!

– Именно! Так вот этот Васька Трегубов от Али глаз не отрывал, а меня чуть «случайно» не застрелил. На цариц его, паршивца, тянуло!

– А вот теперь, Алексей Григорьевич, уже совсем я ничего не понимаю.

– А, по-моему, здесь все предельно ясно... Дело было так...

Я вкратце рассказал о том, что приключилось с нами в имении Трегубова, упомянув даже о том, что у Али были способности понимать, о чем думают окружающие. Поэтому она не могла не знать, что Трегубов в нее влюбился, и могла бы предупредить меня.

– А зачем ей было вас предупреждать? – резонно поинтересовалась Екатерина Дмитриевна. – Чтобы вы этого господина вызвали на дуэль?

Взрыв эмоций у меня уже иссяк, и я засмеялся.

– Сдаюсь, вы правы. Этот Василий Иванович был таким обаяшкой, что невольно вызывал раздражение.

– «Обаяшка», как это вы смешно сказали!

– Екатерина Дмитриевна, а что вы еще знаете про Алю?

– Больше ничего, Это бабушку нужно спросить, она с ней поддерживала отношения.

– Так давайте спросим!

– К сожалению, это пока невозможно.

– Почему?

– Бабушка дала обет, если вы выздоровеете, совершить паломничество в Новый Афон, и сегодня утром отправилась туда на поклонение.

– Что же она мне вчера ничего не сказала?!

– Мы боялись вас расстроить...

– А к чему такая спешка с паломничеством?

– Она давно собиралась, – как-то неопределенно ответила собеседница. – Бабушка очень любит Алевтину Сергеевну, да и вас тоже...

– А когда она вернется?

– Не знаю, скорее всего, через месяц. Бабушка путешествует по старинке, на «своих».

– Как же быть, я не смогу так долго у вас оставаться...

– Почему?

– Ну, хотя бы потому, что мне не на что жить, деньги, те, что у меня были с собой, ничего не стоят...

– Господи, какие глупости, пусть вас это не волнует, я... мы обеспечены, даже богаты...

– И вы мне предлагаете жить у вас на правах приживала?

– Ну, почему же приживала, в конце концов, мы отчасти ваши бывшие крепостные крестьяне. Живите здесь как сюзерен.

– Я, право, не знаю...

– Алексей Григорьевич, прошу вас, оставайтесь... – просто сказала хозяйка и так на меня посмотрела, что я смутился и отвел взгляд.

Считать, что я ей понравился, у меня не было никаких оснований. Для того, чтобы понять, что я представлял собой в этот момент, нужно было посмотреть на меня со стороны. Худой, нескладный, какой-то включенный, в дурацкой поддевке с короткими рукавами, в плисовых штанах, вправленных в сапоги «гармошкой». В таких не влюбляются, таких жалеют...

– Кстати, бабушка просила передать вам ваши вещи, которые были у нее на хранении.

– Мои вещи? Какие еще вещи и откуда они у нее?

– Она сказала, что часть осталась у них в доме, часть ей передала Алевтина Сергеевна. И еще, я хочу вас спросить, болезнь, о которой говорил доктор Неверов, ну то, что вы так быстро выросли и повзрослели, она опасна?

– Вы имеете в виду, не превращусь ли я через месяц или год в старика? Не думаю, меня больше удивило, когда я из взрослого мужчины превратился в подростка, но это не мой фокус. Видите ли, дорогая Екатерина Дмитриевна, в мире существует много такого, что сложно, а то и невозможно объяснить. Коли вы занимаетесь любительскими спектаклями, то, вероятно,

знакомы с пьесами Уильяма Шекспира, у него в «Гамлете» есть такие слова: «Есть многое на свете, друг Гораций, что неподвластно нашим мудрецам...»

– Да, да, конечно, только откуда вы знаете Шекспира?

– Позвольте, голубушка, Шекспир жил задолго до меня, по-моему, в конце XVI – начале XVII века.

– Возможно, но я не предполагала, что он был известен в России.

– Ну, почему же. В России много чего было известно, и Сервантес, и Гете. Даже писательницы, например эта, как ее, Жорж Санд. Очень романтическая дама.

– Да, конечно, только вот Жорж Санд современная писательница, ее-то вы откуда знаете?

– Про Санд слышал от кого-то, – небрежно сказал я.

– От кого, от Марьяши? – спросила хозяйка убитым голосом. – Алексей Григорьевич, вы правда тот, за кого себя выдаете?

– Правда. Тот. Только у меня довольно сложная биография, я, видите ли, не всегда жил в XVIII веке.

– А в каком веке вы еще жили?

– Большею частью в двадцатом.

– Это правда!?

– Правда, только пусть это останется между нами.

– Ну, и как там жилось?

– Если в смысле технического прогресса, то успешно. У нас поезда из Петербурга в Москву идут не сутки, а часов восемь. Через пару лет будут доходить за четыре, а еще через несколько лет, за два.

– Полноте меня разыгрывать, я вспомнила, о Жорж Санд я упоминала, когда говорила об эмансипации...

Моя неуместная шутка немного обидела хозяйку, и она вскоре ушла на свою половину. Я послонялся по дому и набрел на библиотеку. «Духовной жаждою томим», набросился на журналы и книги, которых мне так недоставало в XVIII веке.

Глава 3

Рассматривая книги, которые наполняли два солидные шкафа, я понял причину образованности хозяйки Здесь было почти все, что сделало девятнадцатое столетие золотым веком русской литературы. Правда, между Белинскими и Гоголями хватало и глупых «милордов», вроде Фадея Булгарина или графа Соллогуба.

Про последнего я вспомнил забавный анекдот В старости у графа начала съезжать крыша, и он как-то пожаловался приятелю, что Господь Бог требует, чтобы он оплодотворил всех девиц мира. «Разве я смогу, меня и на пол-Европы не хватит».

Впрочем, Соллогуб был не худшим писателем, попавшим в здешние шкафы. О многих авторах этого времени я никогда не слышал, но вычитав из текстов по несколько корявых или слащавых строк, навсегда закрыл их для себя. Я остановил выбор на путевых заметках своего старинного знакомого Александра Пушкина я, прихватив с собой его «Путешествие в Арзрум», отправился к себе.

Я читал неподражаемого Александра Сергеевича до тех пор, пока Марьяша не пригласила меня к обеду. За столом я оказался один, Екатерина Дмитриевна осталась у себя в комнате, сославшись на головную боль, Решив, что она не хочет меня видеть, а мигрень не более, чем отговорка, я наскоро поел и вернулся к себе и Пушкину.

Через два часа чтение прервал приход доктора Неверова. Он выкроил время между визитами к больным, чтобы справиться о моем состоянии. Я безропотно позволил осмотреть себя. Чувствовал я себя прекрасно, чем озадачил земского врача.

– Я вчера смотрел в специальной медицинской литературе симптоматику вашей болезни, – сообщил он мне. – Очень многое не сходится. Ваш случай уникален.

– Какую болезнь вы имеете в виду, преждевременное старение?

– Почему же старение, скорее взросление, – засмущавшись, поправил меня Василий Егорович.

– Доктор, я не болен. То же, чему вы были свидетелем, имеет не материалистическую, а метафизическую причину,

Неверов, как представитель людей новой формации и прогрессист, принципиально отвергал все потустороннее, и моя ссылка на «метафизику» его покорила. Он нахмурился и нравоучительно просветил меня как представителя невежественной эпохи, что в основе всего лежат химия и физика.

Все же остальное, как он изящно выразился «полная чепуха чепуховская».

Я не мог с ним в принципе не согласиться, но не был уверен, что человеческие знания в этих и сопредельных науках столь исчерпывающи, что о них стоит говорить с таким апломбом.

Василию Егоровичу такой скептицизм не понравился, и он бросился в атаку на мою косность и малознание. Я с удовольствием выслушал его гимн науке, но не преминул заметить, что сам лечу не химиотерапевтическим и медикаментозным методами, а метафизическим.

Неверова мое заявление возмутило, он вспылил и обозвал такое лечение шарлатанством.

– Зачем же все отвергать априори, – миролюбиво возразил я. – Возьмите меня завтра на прием больных, и сравним эффективность методик.

– Зачем ждать до завтра? Вылечите Екатерину Дмитриевну, у нее сильнейшая мигрень.

– Так у нее правда болит голова?

– Да, головные боли у нее постоянны, и я пока ничем не могу ей помочь.

– Простите, доктор, вы, вероятно, в курсе дела, у Екатерины Дмитриевны есть... постоянная привязанность?

– Как вы могли такое даже подумать! – пылко вскричал Неверов, что мне очень не понравилось, – Екатерина Дмитриевна – порядочная женщина! Потом, какое это имеет отношение к мигрени?!

– Ну, в человеческом организме все как-то взаимосвязано.

– Простите, любезнейший Алексей Григорьевич, но это полная чепуха.

Мне очень хотелось подразнить Неверова, но я сдержался и предложил заняться лечением хозяйки. Мы пошли на ее половину. Оставив меня дожидаться у спальни, доктор отправился испрашивать разрешение на визит. Пробыл он там довольно долго и вышел из комнаты с недовольной миной на лице.

– Екатерина Дмитриевна не может вас принять, она не хочет, чтобы... ее видели в таком состоянии.

«Вы» доктор, запнувшись, пропустил, чтобы не персонифицировать желание больной не показаться именно мне.

– Если Екатерина Дмитриевна стесняется, то можно эту проблему решить по-другому. Закройте окна шторами и потушите лампу. Мне для лечения свет не нужен.

Неверов обдумал мое предложение, неопределенно хмыкнул и отправился на новый раунд переговоров. Вышел он быстрее, чем в прошлый раз, и поинтересовался, можно ли ему присутствовать при лечении. Я скрыл улыбку и сказал, что ничего против этого не имею.

– Тогда пойдете.

Мы вошли в спальню. Свет в ней уже был потушен. Я, направляемый Неверовым, подошел к постели больной и сел на стул около ее изголовья. Екатерина Дмитриевна лежала на высоко поднятых подушках. Я воздел руки над ее головой и довольно быстро определил, что источник боли в лобных пазухах. Через три-четыре минуты боль удалось локализовать и унять мигрень.

– Вот и все, – сказал я, вставая. – Жду вас к ужину.

Ни доктор, ни Екатерина Дмитриевна не успели произнести ни слова, когда я осторожно, чтобы не споткнуться о невидимую мебель, покинул комнату.

Через десять минут ко мне ворвался взволнованный Неверов.

– Алексей Григорьевич, прошу объяснить, что вы сделали?!

– Дорогой доктор, к сожалению, я сам не знаю механику лечения. Это как-то связано с силами, которыми мы владеем, но пока не можем объяснить. Давайте называть их метафизикой или экстрасенсорикой, если вам что-нибудь говорит такое понятие.

– Но ведь вы ничего не делали, а приступ прошел!

– Почему же не делал, я руками нашел очаг боли и его удалил.

– Вы хотите сказать, что сделали это без материального вмешательства?

– Почему же без материального. На свете все материально, только не все поддается измерению. Вы можете измерить силу молнии?

– Молния – это электричество, это давно известно.

– Я бы не стал это утверждать так категорично, однако, пусть будет по-вашему – электричество. Оно материально?

– Конечно.

– Тогда и энергия, которой я лечу, материальна, она сродни электричеству. К сожалению, научно этого я не могу объяснить, сам не знаю.

– Но это фантазмагория какая-то! Такой уникам нужно изучать!

– Ради Бога, изучайте! Обратите стопы своих исследований к истокам народной медицины, там вы найдете ответы на многие вопросы, – закончил я надоевший мне спор витиеватой фразой.

Неверов мне был симпатичен, неприятно было только то, что он так вьется вокруг Екатерины Дмитриевны. Тоже мне, доморощенный Евгений Базаров из Троицка.

Не успел я остаться один, как пришла Марьяша и принесла кофр с моими вещами. Я с любопытством заглянул в кожаный чемоданчик. Из всех сокровищ, которые сохранила для меня Евдокия Фроловна, меня порадовала только бритва с упаковкой новых лезвий. Остальные вещи имели не прикладную, а, скорее, ностальгическую ценность. В кофре лежал пустой тюбик зубной пасты, мыльница без мыла и прочие остатки роскоши.

Весь день я отвлекал себя от полувековой «новости» об Алином замужестве. Первый взрыв эмоций быстро прошел, и теперь у меня было двойственное отношение к ее измене. С одной стороны, я был рад, что она избежала преследований и устроила свою судьбу, с другой, мне было обидно, что она меня забыла. Я попытался разобраться, люблю ли я ее так же, как любил раньше, и не мог однозначно ответить на этот вопрос.

Годы, хотя и пролетевшие для меня за считанные дни, отдалили ее каким-то барьером. Але, если она жива и здорова, сейчас должно быть семьдесят три года. Я только вчера видел, как расправилось время с Дуней, превратив некогда цветущую девушку в сухонькую старушку. Смогу ли я увидеть в моей ставшей старухой жене прежнюю Алю? Да и что это даст!

Осталось ждать возвращения Евдокии Фроловны, чтобы выяснить не очень нужные мне теперь подробности ее «нового» брака. Теперь даже ребенок, которого мы зачали, должен был быть почти в два раза старше меня. Умом я понимал, что все, возможно, случилось и к лучшему. Аля прожила свою жизнь в свою эпоху, с человеком, которого, наверное, можно любить, возможно, в счастье и довольстве... Какую жизнь я мог ей предложить в чуждом мире, в загазованной Москве, без корней, знакомых, интересов. Какие радости, кроме бразильских сериалов по телевизору! Что ждало нас, когда неминуемо утихнут страсти и кончится праздник плоти? У меня была бы жена, от которой ничего не возможно скрыть, скучающая, тоскующая по простой, понятной жизни, Как бы ей удалось выжить в четырех стенах бетонной коробки панельного дома?

Остаться самому в прошлом, чтобы грабить больных, копить деньги и прикупать деревушки, как мой царскосельский знакомый Пузырев? Изнывать от тоски в провинциальном захолустье, пить водку с соседями, ездить на псовую охоту, растить детей и, как о сладкой мечте, тосковать о заурядной ванной и кране с горячей водой?!

Распалив себя, я все-таки сумел в какой-то момент остановиться. Мне в голову пришла одна не очень оригинальная мысль. Я подумал, не запал ли я, случайно, на Новую, волнующуюся воображение юбку. Что-то слишком сильно начала меня интересовать Екатерина Дмитриевна Кудряшова, молодая вдова, чем-то похожая на польскую актрису Беату Тышкевич. Меня уже почему-то задевает, что доктор Неверов долго находится в ее спальне, что он нервничает из-за моего присутствия в доме; меня интересуют, какие были отношения у вдовы с ее умершим купцом первой гильдии...

Я сидел над раскрытым кофром своего прошлого, и настроение у меня окончательно испортилось, захотелось напиться и оплакать свою никудышную жизнь. Но даже вволю поговорить мне не удалось. Пришла улыбающаяся Марьяша и позвала ужинать.

Я одернул свою новую поддевку с короткими рукавами, поправил оборочки на талии и отложил тоску и пьянство до другого случая.

На мое счастье, гостей в доме не было, и мы с Екатериной Дмитриевной оказались «тетна-тет», как говорила одна моя простецкая знакомая.

Екатерина Дмитриевна, избавившись от головной боли, была в меру оживлена и одета в тяжелое бархатное платье с соблазнительным вырезом, совершенно, на мой взгляд, неуместное в такой тесной компании. Тем более, что ее наряд очень контрастировал с моей поддевкой, в которой я начал чувствовать себя клоуном.

Поблагодарив меня за медицинскую помощь, хозяйка довольно быстро повернула разговор к злополучной Жорж Санд, французской писательнице и половой разбойнице, пожиравшей, если я чего-то не перепутал, великих людей XIX века.

Я про нее ничего толком не знал, только слышал, что у нее были какие-то сложные отношения с Альфредом Мюссе и Шопеном. Читать ее романы, набитые французским любовным вздором, мне не доводилось, поэтому участвовать в литературных восторгах Екатерины Дмитриевны было скучно.

Гораздо любопытнее было следить за выражением ее лица, жестикуляцией и сравнивать с женщинами прошедшего и грядущего веков.

Ничего подобного я там не встречал. Если дамы прошлого были большей частью жеманны, грубоваты и раскованы в межполовых отношениях, что проявлялось, как минимум, в двусмысленных шутках и откровенных взглядах – дамы моего времени умны, прелестны, тонки, изысканы и прекрасны, но об этом как-нибудь в другой раз – то представительница XIX века поражала своей бестелесной духовностью. У меня начало складываться впечатление, что цель жизни моей героини – встретить доброе любящее сердце, вкусить очищающее страдание и «душа об душу» предстать перед Творцом в непорочной чистоте.

Никакого голоса плоти я не смог различить в ее возвышенном монологе о романтической любви. Возможно, в эту эпоху попадались и земные женщины, с обычными человеческими устремлениями, но если таких, как Екатерина Дмитриевна, много, то можно только позавидовать и посочувствовать их мужьям. Возможно, Они и приносили себя в жертву «мужской похоти» ради мира в семье и зачатия детей, но жертва эта была обоюдно скучная.

Мой сравнительный анализ внезапно был прерван обращенным ко мне монологом, начало которого я не расслышал:

– ...как я вам завидую! Вы воочию видели проявление высокого духа, чистоты помыслов, красивую, возвышенную, чистую любовь.

Я не очень понял, где это все должен был видеть, и что-то промычал с сочувственной улыбкой.

– ...Разве сейчас есть такая высокая жертвенная любовь, какая была в старину! Стоит вспомнить юного Вертера, бедную Лизу!

Теперь стало ясно, о чем говорит моя очаровательная собеседница.

– Я думаю, что и в ваше время достаточно примеров высоких романтических отношений... – начал, было, я придумывать комплимент.

– Что вы, Алексей Григорьевич! Наш век пронизан цинизмом, плотскими (она покраснела!) устремлениями.

– Не может быть! – с ужасом вскричал я. – Глядя на вас, можно думать только о возвышенном!

– При чем здесь я, – грустно промолвила красавица. – Я уже стара, у меня все в прошлом.

– Это как посмотреть. Ведь и у вас были великие моменты в жизни, мне говорили, что вы были замужем...

– Замужество – совсем другое. В моем браке не было романтической любви, в нем были искренняя привязанность, уважение,

Мне очень хотелось узнать историю хозяйки, и я продолжил валять дурака.

– Я никогда не поверю, чтобы вы отдали свое сердце без любви!

Екатерина Дмитриевна побледнела и бессильно опустила руку на скатерть.

– Сударь, я не могу рассказать грустную историю своей жизни из опасения лишиться вашего уважения!

– Сударыня, вы не лишитесь его ни при каких обстоятельствах, даже если окажется, что вы убили собственного дедушку.

– Вы не знаете, о чем говорите! Это моя горькая тайна, хотя и секрет Полишинеля. Однако, я буду бесчестна с вами, если не открою страшной правды...

Я приготовился слушать.

– Вы знали моих дедушку с бабушкой женихом и невестой. Но вы не могли знать, что у них родится ребенок, девочка, моя бедная мать, К этому времени наша семья разбогатела. Дедушка Семен Иванович расширил дело прадедушки Фрола Исаевича и одновременно занялся торговлей и винокурением. Когда моя бедная мать стала девушкой, он уже был состоятельным, независимым человеком. Матушке наняли воспитателя, и она получила значительное по тому времени образование и воспитание.

Это мою бедную матушку и погубило. Как-то она встретила в церкви гусарского корнета, приехавшего в отпуск навестить свою тетку, жительницу нашего города. Корнет обратил на матушку внимание и начал ухаживания. Между ними завязались невинные отношения, которые постепенно переросли в пылкую страсть. Корнет попросил матушкиной руки, потом предложил ей бежать из родительского дома и тайно с ним венчаться.

Матушка легкомысленно согласилась. Побег им удался, однако, корнет не сдержал слова. Они так и не обвенчались, а вскоре он и вовсе оставил ее. Брошенная, нищая, обещанная, она молила отца простить ее, но дедушка был непреклонен. Добрые люди из милосердия приютили матушку, и она жила у них, пока не разрешилась мною. Роды были для нее роковыми, она заболела горячкой и скончалась. Только тогда дедушка согласился взять меня к себе в дом и воспитать как приемную дочь.

Екатерина Дмитриевна надолго замолчала и задумчиво глядела на огонь керосиновой лампы.

– Ну и что дальше? – поинтересовался я.

– Теперь вы знаете про меня все.

Уже на середине рассказа я догадался, что волнует мою собеседницу, но не подал вида.

– А потом вы тоже с кем-нибудь сбежали?

– Господи, что вы такое говорите! Дедушка просватал меня за своего приятеля Ивана Ивановича Кудряшова и выдал за него замуж.

– А за что я должен перестать вас уважать? За то, что вы вышли замуж без любви?

– Разве вы не поняли, – мучительно покраснев, сказала Екатерина Дмитриевна. – Я незаконнорожденный ребенок.

– Фу, как вы меня напугали, я думал, вы совершили что-нибудь нехорошее.

– А разве это не серьезно? – дрожащим голосом спросила дитя любви.

– Конечно, нет, мне жаль вашу матушку, но этого теперь не воротишь.

По-моему, Екатерину Дмитриевну такое индифферентное отношение к лелеемой много лет боли немного обидело.

– Вы, что не признаете браков? – растерянно спросила она.

– Браки я признаю, я не признаю понятия «незаконнорожденные дети». Вот если бы ребенка родил мужчина, то об этом еще можно было бы поспорить, а так, что же в таком рождении неестественного или незаконного? Рассуждая подобным образом, можно посчитать, что браки всех, кто не принадлежит к православию и не венчался по церковному обряду, незаконны, и дети этих людей незаконнорожденные. Думаю, про вашу матушку можно сказать, что она была в гражданском, а не церковном браке. Только и всего.

Такая, несколько необычная, точка зрения произвела на Екатерину Дмитриевну большое впечатление. Она не нашла, что возразить и посмотрела на меня затуманенными глазами. Возможно, такой прагматичный подход лишил ее исключительности, сладкого ощущения невинной жертвы.

– Значит, вы не будете меня презирать? – наконец, спросила она дрогнувшим голосом.

– Не буду. Напротив, я...

Однако, договорить мне не удалось. Пришла с докладом Марьяша:

– Пожаловали доктор, просить?

– Прости, – поспешно сказала Екатерина Дмитриевна, обрадовавшись возможности прервать разговор.

Василий Егорович, если судить по одежде, пришел в гости. Выглядел он очень неплохо, особенно рядом со мной.

– Простите, Екатерина Дмитриевна, я без приглашения. Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, прекрасно.

– Как ваша мигрень?

– Я как-то забыла, мигрень... она прошла. Покончив с выздоровевшей пациенткой, доктор взялся за меня:

– Алексей Григорьевич, ваш метод меня заинтересовал. Вы не откажете в любезности завтра посетить вместе со мной двух больных?

– К сожалению, вынужден отказаться, мне неудобно в таком виде ходить по городу. – Я красноречиво продемонстрировал короткие рукава поддевки.

– Я забыла сказать, – вмешалась в разговор хозяйка. – Придет портной снять с вас мерку.

– Спасибо, – поблагодарил я. – К сожалению, у меня нет современных денег, я попытаюсь связаться с родственниками...

– Полноте, Алексей Григорьевич, какие счета, я почту за удовольствие заплатить, – перебила меня Екатерина Дмитриевна.

– Мне это не совсем удобно, тем более, что я не знаю, когда смогу с вами расчесться. У меня довольно много ассигнаций моего времени, нельзя ли их поменять на современные деньги?

– Думаю, что нельзя, – сказал Неверов. – Обмен был лет пятнадцать назад. Впрочем, не знаю, у меня не было нужды интересоваться.

– Алексей Григорьевич, – вмешалась хозяйка, – вы меня обяжете, ну, что за счета! Отдадите когда-нибудь. Как вам обходиться без современного платья?

– Пожалуй, вы правы, выбора у меня нет. Что же, буду очень благодарен.

Образовалась маленькая неловкая пауза, которую тут же замяла Екатерина Дмитриевна, заговорив с доктором о каких-то знакомых.

Я отстранился от разговора. Наблюдая за их беседой, я попытался разобраться в отношениях хозяйки с Неверовым. Он был явно влюблен, что не мог или не хотел скрыть. Екатерине Дмитриевне это, скорее всего, льстило, но я не был уверен, что она отвечает доктору взаимностью. Она довольно искусно обходила острые углы, меняла темы, как только беседа начинала выходить за светские рамки.

Слушать разговоры про неведомых мне людей и наблюдать откровенные заигрывания Неверова надоело и, сославшись на усталость, я отправился к себе в комнату. Доктора мой уход откровенно обрадовал. Попрощавшись на ночь, я попросил разрешения пользоваться домашней библиотекой и отправился к себе.

Неверов, скорее всего, был года на три-четыре младше Кудряшовой и, вероятно, только это служит препятствием к развитию между ними романа. Однако, парнишка он смазливый, шустрый и упорно добивается своего. Хорошо, если любви вдовы, а не состояния покойного купца.

По пути в свою комнату я зашел в библиотеку и прихватил с собой подшивку журнала «Современник» за 1855 год. Название этого издания я помнил со школы. Сначала «Современник» вроде бы выпускал Пушкин, потом Некрасов.

Было интересно полистать журнал и посмотреть, чем живет любезное Отечество в данный исторический период.

Несмотря на то, что чувствовал я себя нормально, от калейдоскопа всех событий у меня появилось странное ощущение раздвоенности.

Я никак не мог разобраться в чувствах, которые у меня были к Але, и тех, которые вызывала Кудряшова. С одной стороны она мне нравилась, с другой, я, как мог, отстранялся от нее, чтобы не влюбиться. Страстей и любовных перипетий за последние месяцы на мою долю выпало так много, что я начинал себя чувствовать запыхавшимся кобелем.

Восемнадцатый век спокойно относился к свободным отношениям и возводил их едва ли не в добродетель. Девятнадцатый отвернулся от любви плотской и перешел к романтической, даже куртуазной, Поэтому мои методы «пост-секс-революционных» отношений могли выйти боком участницам подобных приключений. Если я добьюсь «благосклонности» Екатерины Дмитриевна, то понятно, что наши отношения не останутся на целомудренном поцелуе и песни Гименея.

Молодая вдова слишком много прочитала французской изысканной романтической дребедени, чтобы поверить мне, как поверила Аля, в паритетность любовных партнеров.

После каждого нового этапа сближения у нас неминуемо начнутся разборки, упреки, слезы, выяснения отношений и прочая истеричность. К такому развороту событий я пока не был готов, потому решил не влюбляться ни при каких обстоятельствах.

Успокоившись за свою нравственность, я завалился на кожаное канапе с январским номером журнала «Современник».

Совесть моя была спокойна, решение принято окончательное, и ничто не мешало прочитать довольно слабый рассказ графа Л.Н. Толстого «Записки маркера».

Ранним утром меня разбудил приход обещанного портного. Из уважения к статусу Екатерины Дмитриевны явился не какой-нибудь забулдыга-подмастерье, а сам хозяин мастерской, опрятно одетый господин с модно взбитыми впереди волосами. Выглядел он вполне джентльменом, и только говор выдавал его происхождение.

Он оказался много профессиональнее своего предтечи Фрола Исаевича, и мы довольно быстро нашли «консенсус». Портной обещал поторопиться с выполнением заказа. Я проводил его и пошел узнать, когда подадут завтрак. Кухарка по секрету сообщила, что барыня опять мается головой и к столу не выйдет.

Ломиться без спросу в спальню было нескромно, и я отослал на переговоры Марьяшу. Сначала Екатерина Дмитриевна наотрез отказывалась от помощи, но то ли ее допекла головная боль, то ли настырная горничная, но, в конце концов, она пошла на уступки и согласилась принять меня, так же, как и вчера, с закрытыми шторами.

В отличие от давешнего сеанса, проходившего вечером, когда уже стемнело, сейчас было яркое солнечное утро, и в зашторенной комнате было достаточно света. Кудряшова лежала на высоко взбитых подушках с живописно разбросанными по белому голландскому полотну волосами. Выглядела она такой по-домашнему трогательной и незащитной, что мое твердое, целомудренное решение слегка полиняло.

Чтобы не смущать больную, я сделал вид, что плохо вижу в полутьме, и даже нарочно наткнулся на стул. На Екатерине Дмитриевне была надета батистовая ночная сорочка с глухим воротом. Выглядела она плохо, глаза запали и были полузакрыты. Я, не медля, начал сеанс и так спешил, что сел не на стул, а на край постели. Надеюсь, в тот момент ей было не до таких мелочей.

Как и вчера, боль я снял за считанные минуты. Видно было, как ей становится легче. Окончив сеанс, я не ушел тотчас, как вчера, а взял ее лежащую поверх одеяла руку и проверил пульс. Сначала он был спокойным, потом участился.

Я задумался и запястья не отпустил, а удержал в ладони. Екатерина Дмитриевна открыла глаза и умоляюще посмотрела на меня, однако, руки не отняла.

– Я вас так затрудняю, Алексей Григорьевич! – произнесла она зыбким, прерывающимся голосом.

– Это пустяки, – сказал я как можно ровнее. – Вам нужно полечиться, а то мигрени вас замучат.

Во рту у меня пересохло и стоило усилия заставить себя отпустить теплую руку, которая тут же безжизненно упала на постель.

– Я подумаю, что можно предпринять, – добавил я, заставляя себя встать.

Все происходящее было так невинно, что находящаяся совсем рядом Марьяша ничего необычного в нашем поведении не заметила, заметил я, выходя на дрожащих ногах из спальни и отирая залитое потом лицо.

Я тут же отправился в конец усадьбы и занялся «спортивными процедурами», чтобы прийти в себя. Доведя себя до изнеможения, облился у колодца холодной водой и вернулся в дом. Екатерина Дмитриевна уже вышла и ждала меня завтракать.

Почему-то она не поднимала глаза и больше смотрела на узоры скатерти, чем по сторонам. Мы молча начали есть. Когда мы окончился завтрак, я поблагодарил хозяйку и собрался выйти из-за стола, но остался сидеть. У нас составил забавный тандем: мы сидели друг против друга и молчали.

– Вы говорили, что мне нужно лечиться, – не выдержав молчания, спросила Кудряшова. – Я серьезно больна?

– Вы больны, но не совсем обычной болезнью, – сказал я, не зная, как с ней объясняться. Екатерина Дмитриевна удивленно посмотрела на меня.

– Так что же это за болезнь?

– Я не осмеливаюсь сказать, чтобы вас не обидеть...

– Вы считаете, что у меня... дурная болезнь?

– Господи, что вы такое говорите! Ваша болезнь связана с тем, что у вас нет мужа...

– Я вас не понимаю, – произнесла Екатерина Дмитриевна, то краснея, то бледнея.

– Вот видите, не стоило мне вам этого говорить. Вы на меня обиделись!

– Нет, что вы, я не обиделась, я правда ничего не Понимаю. Какое имеет отношение головная боль к замужеству?

Хотите, верьте, хотите, нет, но я впервые в жизни не Знал, что сказать. Вдова смотрела на меня такими прозрачными, непонимающими глазами, что я заподозрил ее в искренней неосведомленности.

– Вы ведь были замужем!

– Да, была.

– У вас с мужем были особые отношения, не такие, как с остальными людьми?

– Были.

– Ну, вот, вам их не хватает. От этого у вас и головные боли. Теперь понятно?

– Да, да, конечно, теперь понятно. Только почему вы сказали, что я могу на вас обидеться?

– Мне показалось. Вы так романтичны...

– Значит, чтобы у меня не болела голова, мне нужно ездить по лавкам не одной, а с мужчиной, – после долгого раздумья констатировала Кудряшова.

– Куда ездить? – переспросил я.

– По магазинам. Иван Иванович всегда ездил со мной.

– Екатерина Дмитриевна, вы это серьезно? Вы, что не знаете, какие отношения существуют между мужчинами и женщинами?

– Как это не знаю, конечно, знаю. Люди вступают в брак и вместе живут.

– Ага, чтобы под ручку ходить по лавкам?

– Да, но не только, они вместе принимают гостей, ходят в церковь и много что еще делают.

– А откуда у них дети берутся?! – почти закричал я.

– Господь дает, – серьезно ответила эта идиотка. – Чтобы родился ребеночек, надо съездить на моления в святые места. Я ездила, но Господь не внял...

Мне стало смешно. Честно говоря, я даже не предполагал, что на свете могут существовать настолько наивные люди.

– Вы, что в институте благородных девиц учились? – поинтересовался я.

– Как вы узнали? Только не в институте, а пансионе, я ведь не дворянка.

– Догадался. А сколько было лет вашему мужу?

– Не знаю, он был немного младше дедушки.

– Тогда зачем он женился?

– Дедушка захотел, они были компаньонами, и нужно было объединить капиталы.

– Понятно. Ваш дедушка и в молодости не был Спинозой, а к старости совсем сбрендил.

Вы бы хоть с бабушкой Дуней поговорили, зачем люди женятся.

– Я сказала какую-то глупость?

– Пожалуй, нет, вы просто плохо информированы.

– Алексей Григорьевич, вы так со мной разговариваете, что мне делается стыдно, только я не пойму отчего.

– Это в вас говорят инстинкты.

– Какие инстинкты, и что они говорят?

– Вы что в пансионе изучали?

– Многое. Домоводство, вышивку, музыку, литературу, арифметику, вам все дисциплины назвать?

– Пожалуй, не надо. А девочки в пансионе ничего про мужчин и женщин не говорили? То, что вам казалось непонятным?

– Почему не говорили, многие обожали нашего священника и директрису. Только что в том непонятного?

– Екатерина Дмитриевна, голубушка, можно, я пока вам ничего не буду объяснять. Вы для начала расспросите Марьяшу, она вам расскажет основу, так сказать, супружеских отношений, а я отвечу на непонятные вопросы. Вам, кстати, нравится доктор Неверов?

– Да, он очень милый молодой человек.

– Вы его, случайно, не обожаете?

– Нет, как можно, он совсем молодой и потом... я не знаю, как объяснить, но в нем есть что-то такое, не совсем понятное... Он смотрит на меня очень странным взглядом, я мешаюсь...

За разговорами завтрак наш давно простыл и был убран почти нетронутым. Мы одновременно встали из-за стола и разошлись по своим комнатам. Екатерина Дмитриевна ушла немного поспешнее, чем всегда. Я догадался, что она торопилась расспросить горничную о тайнах полов.

К обеду хозяйка не вышла. Я спросил Марьяшу, что с барыней, она хмыкнула и хитро на меня посмотрела.

Отложив обед на потом, я пошел объясняться. На мой стук никто не ответил, и я без разрешения вошел в спальню. Екатерина Дмитриевна сидела в кресле, закрыв глаза платочком.

– Что случилось, – встревоженно спросил я. – У вас опять болит голова?

Кудряшова не ответила, только отрицательно покачала головой.

– Вы чем-то расстроены?

– Ах, оставьте меня, – проговорила она и заплакала.

Понятное дело, я ее не оставил. Напротив, придвинул второе кресло и уселся рядом, почти касаясь ее колен своими.

– Ну, что вы, голубушка, право, как можно. Что случилось такого ужасного?

– Ах, как вы могли! Оказывается, вы все знали! Это просто ужасно! – восклицала между всхлипываниями Екатерина Дмитриевна. – Вы теперь будете меня презирать!

– Да за что я вас должен презирать! – возмутился я. – Что я сделал вам плохого?!

– Уйдите, ради Бога, уйдите! Мне так стыдно!

– Вот вы поминаете Господа, а между тем, сомневаетесь в Его мудрости, – с упреком сказал я.

Однако, Екатерина Дмитриевна меня не слушала, рыдая все громче и отчаянней, Я сходил на кухню и принес ей стакан холодной воды. Чтобы заставить ее выпить, пришлось почти силой отрывать от лица ладони. В конце концов, я победил, и она, стуча зубами по краю стакана, сделала несколько глотков.

– Я больше никогда не смогу посмотреть вам в глаза, – заявила зареванная красавица, опять пряча лицо в мокрый платок.

Когда взрыв отчаянья немного утих, я опять привлек к себе на свою помощь Бога.

– Когда Господь создал человека, он намеренно разделил его на две половинки, чтобы они могли соединиться воедино, – толковал я. – По вашему же мнению выходит, что Господь Бог поступил неправильно. Вспомните писание, что Он велел: «Плодитесь и размножайтесь». Так что в этом может быть порочного и стыдного?!

Постепенно мои слова начали доходить до страдалицы, и рыдания сделались чуть тише.

– Кто же виноват, – продолжил я, – что в вашем пансионе не преподавали зоологию и биологию. Вышивание вещь хорошая, но детей нужно учить и основам живой природы.

– Но ведь это Дьявол под видом змея искусил Адама и Еву, значит это грех! – вступила в дискуссию Екатерина Дмитриевна, перестав плакать.

– А кто создал Дьявола, разве не сам Господь? Притом Спаситель своей кровью искупил первородный грех! Простите, Екатерина Дмитриевна, вы ведь образованная женщина, Гете читали и Жорж Санд. Почему же вы к самым возвышенным проявлениям человеческого духа, к любви, относитесь как к чему-то грязному и постыдному!

В ходе спора я сделал вывод, что в благородных пансионатах девушек учат не очень хорошо. Против моего относительно регулярного образования пансионерка не выстояла. Спасовала от простеньких логических построений...

Сомневаюсь, что мне удалось убедить Екатерину Дмитриевну в том, что великая любовь проявляется не только в совместном любовании луной, но плакать она окончательно перестала.

Спор наш не прекратился, он начал носить познавательно эротический характер. Теперь мы говорили о любви с легкой примесью чувственности. Несмотря на разъяснения Марьяши, механику отношений полов хозяйка продолжала представлять себе очень смутно. Я не рискнул продолжить просвещение из-за боязни увлечься предметом и перейти к практическим действиям. В принципе это было возможно, но грозило большими осложнениями в дальнейшем.

Глава 4

О эти разговоры о любви! Как они постепенно засасывают участников в омут чувственности. Теперь, когда мы бывали наедине, я уже почти не отпускал прелестную ручку и периодически, словно невзначай, подносил к губам. Этого больше не возбранялось, и бровки не хмурились.

Когда мне оставалось совсем немного, плавно перейти от разговоров о платонической любви к женской эмансипации и, воспользовавшись неопытностью оппонентки, погубить смертельным грехом ее душу, я брал себя в руки. Каждый раз все с большим трудом.

– А не пойти ли нам пообедать? – как-то сказал я, в очередной раз разрушая прозой жизни греховное наваждение. Екатерина Дмитриевна опомнилась, отняла у меня руку и встала со своего кресла так, будто между рами ничего и не происходило.

– Пожалуй, я тоже голодна, – согласилась она, и мы перешли в столовую.

За столом, когда мы ели перестоявший обед, разговор велся на другие темы. Любовь и все, что с ней связано, мы аккуратно обходили. Екатерина Дмитриевна принялась рассказывать, что произошло в стране за последние пятьдесят лет, и я убедился, что в ее пансионе историю тоже толком не изучали. Про войну с Наполеоном она еще немного знала, а о восстании декабристов даже не слышала. Это было удивительно, потому что в ее книжных шкафах стояло много хороших книг, и что-нибудь о таком важном событии должно было непременно просочиться через николаевскую цензуру.

Возможно, предполагая, что я все равно ничего не знаю о прошлом, она намеренно пропустила этот эпизод истории. Впрочем, и последней войне она почти не уделила внимания, хотя та была совсем недавно.

Чем дольше я общался с Кудряшовой, тем более противоречивые чувства у меня возникали. Катя была воспитана и образована очень неровно. С одной стороны стремилась к равноправию, с другой – примитивно боялась греха и «чужой молвы». Много читала, но отличить хорошую книгу от плохой не могла. Ее совсем не заинтересовал Л.Толстой, только что ставший широко известным. Она не слышала о Гоголе и лучшим российским романом считала «Ивана Выжигина» Фадея Булгарина, автора, сколько я помнил, ставшего в истории литературы образцом выжиги и конъюнктурщика, сумевшего сделать из журналистики и писательства выгодный бизнес.

Сравнивать Екатерину Дмитриевну с Алей, было бы «некорректно», как говорят наши политиканы, когда не хотят ответить на прямо поставленный вопрос. Однако, если их все-таки сравнить, то мне кажется, что Аля была интересна своей искренностью и органичностью, а Екатерина Дмитриевна – непредсказуемостью. Не знаю, в кого из них я бы влюбился, если бы довелось встретить этих женщин одновременно, пока же я путался в противоречивых чувствах и хотел обеих.

После этого «незавершенного» обеда хозяйка отправилась к себе, а я решил провести свою «машину времени». Планов на будущее у меня пока не было, но я не исключал, что после возвращения Дуни попытаюсь отправиться «домой».

В начале пятого после полудня я огородами, напрямик, пошел к своей роковой «хоромине». Троицк по-прежнему не изобиловал многолюдством, и никто не встретился мне на пути. Через пятнадцать минут быстрой ходьбы я уже подходил к замку. Шел, открыто, не таясь, не ожидая особых неожиданностей. Когда я попал в это время, «хоромина» была в плачевном состоянии, и я не думал, что попасть в него будет трудно. Однако, приблизившись, увидел, что из открытых настежь ворот выезжает крестьянская телега. Мужичок на облучке вежливо снял шапку и поклонился. Был он самым обычным возчиком, без налета средневекового колорита.

– Доброго здоровья, ваше степенство, – приветствовал он меня.

- Бог в помощь, – ответил я, останавливаясь.
- Спасибо, – ответил мужик, кланяясь, и придержал лошадь.
- Смотрю, ворота открыты, никак какую работу делаешь? – поинтересовался я.
- Так Андрей Степанович начали здесь амбары строить, – охотно разъяснил возчик.
- И давно начали?
- Да почитай уже третью неделю.
- Поглядеть можно?
- Погляди, ваше степенство. За погляд денег не берут, десятник у нас не злой.

Он тронул лошадь вожжами, и она потрусилась по разезженной дороге. Я без опаски зашел во двор. Здесь кипели трудовые будни. Человек до тридцати рабочих копался в земле, отрывая траншеи под фундамент Выкошенный от бурьяна двор был завален строительными материалами. Я первым делом бросился к моему «магическому камню». Его на месте не оказалось. Тут же ко мне подошел чисто одетый мужик, видимо, десятник, и вежливо поздоровался.

– Чем изволите интересоваться?

– Да вот, на этом месте был старинный камень, куда он делся? – спросил я, пытаюсь скрыть волнение.

– Поди, мои каменщики на бут покрошили, – ответил десятник. – Велел им ничего без спроса не ломать, так разве послушаются. Петруша, – закричал он, – куды отсель камень дели?

К нам подошел Петруша и придурковато осклабился:

– Известное дело, поломали.

– Я чего велел, я говорил ничего без меня не ломать! – стал выговаривать десятник.

Я не стал слушать бесполезные разговоры и, как пришибленный, пошел восвояси. Жизнь ставила передо мной очередную задачу...

Не знаю, чьи это происки, но путь домой опять перекрылся. Кто такой Андрей Степанович, и почему он начал строить амбары именно в тот момент, когда я здесь появился, было не суть важно. Скорее всего, это какой-нибудь здешний купец-«прогрессист», не испугался дурной славы заклятого места. Интересней было узнать, кто его побудил к такому смелому поступку.

Считать, что это простое совпадение, у меня не было никаких оснований. Мне даже подумалось, так ли случайно я попал в новый дом Котомкиных и очень быстро сошелся с правнучкой Фрола Исаевича. Если быть самокритичным, то нужно признать, что объективно у меня было очень мало шансов понравиться такой красавице. Я был изнурен долгой болезнью, нищ, плохо одет и мог вызвать только жалость. То же, как развивались наши отношения, говорило об обратном.

В хмуром настроении я вернулся домой. Меня там ожидал новый сюрприз в лице модного портного, принесшего мне готовый сюртук и несколько единиц одежды на примерку. Сюртук оказался так быстро сшит, что это вызвало мое недоумение.

– Как вам удалось так быстро управиться? – спросил я портного.

– Это, ваше степенство, не задача, мы теперича не руками, а и на машине шьем.

– На какой такой машине? – удивленно спросил я.

Откуда в эти годы могла появиться швейная машинка, я не представлял, мне казалось, что ее изобрели в начале двадцатого века.

– Известно, на портновской.

– Откуда она взялась?

– С заграницы получена, иностранная вещь. Это, ваше степенство, процесс, называется.

Вот, полюбопытствуйте, какую строчку дает!

Я полюбопытствовал, строчка действительно была машинная.

– А почему она такая кривая? – поинтересовался я.

– Чего кривая? – удивился портной и, не глядя на разложенный на столе сюртук, принялся пальцами подбивать свой завитой кок.

– Строчка, вот здесь прямо идет, а дальше как-то волной.

– Так машиной-то шито, – с легким презрением посмотрел на меня локомотив прогресса. – Небось, вы в старину не думали, что мы так жить будем? Ничего, ваше степенство, как паровоз увидишь, поди, от удивления с ума тронешься. Представляешь, повозка без лошадей ездит, а из трубы дым идет. Это тебе не «фу», а умственная вещь!

Похоже, в городе уже все были в курсе того, кто я такой, и моей «летаргической» истории.

– Паровоз – это конечно! Кто бы спорил. А строчка-то почему кривая?

– Эка ты, ваше степенство, заладил как попка-попугай: «кривая да кривая!»! Что же за беда тебе, коли она даже и кривая? Ее же не какая-нибудь глупая баба, а машина шила, понимать нужно! Это же форменный процесс – умственная вещь!

Я, почувствовав, что переспорить портного не удастся, смирился и надел сюртук. Он был и не моего размера, и кривая строчка дала-таки себя знать. От подмышки до низа он сидел как-то куче. Хотя, если подойти к покрою и исполнению платья с позиции оригинальности, вроде как к эксклюзивной модели, да еще и «от кутюр», то вещь смотрелась очень оригинально.

– Ну, что я говорил?! – воскликнул портной, с удовольствием разглядывая меня. – Сидит как влитой! Такой сюртук и в Петербурге не сошьют!

– Так я и не спорю, – миролюбиво согласился я, – только посмотри, как в боках морщит, и почему один рукав до пальцев достает, а другой как-то коротковат?

– Где? – поразился портной.

Я показал руки.

– Так у тебя, поди, руки разные, одна короче, другая длиннее!

– А мне сдается, что рукава от разных сюртуков пришиты. Да и цветом разнятся, этот вроде как синий, а другой в голубизну отдает!

– А у тебя, ваше степенство, как с глазами?

– Нормально.

– У меня тоже глаз как у орла, а я ничего такого не замечаю. Ты, мне сдается, ваше степенство, над простым тружеником фордыбачишься! И то тебе не так, и се. Сюртук-то не просто так, а на машине сшит! Процесс! Это тебе понятно?

– Так носить-то его мне. Что же теперь каждому встречному-поперечному, которые надо мной смеяться станут, про паровоз рассказывать?

– А причем здесь паровоз-то? – искренне удивился портной, уже забывший начало разговора.

– Ну, потому, как прогресс и швейная машина.

– Я что-то тебя, ваше степенство, понять не могу. Куражишься ты над тружеником или как? Тебе нужен сюртук или нет?

– Нужон!

– А почему ты фордыбачишься?

– Боюсь такой одеждой людей напугать. Представляешь, увидит меня брюхатая баба и скинет ребенка со страха. Меня ее муж потом по судам затаскает.

– Чья баба-то скинет? – вытаращил глаза, совсем запутавшись, мастер нового типа.

– Не знаю, какая-нибудь встречающая.

– А ты ее почто, напугал? За это в участок сведут! Милое дело! Зачем же чужих баб пугать. У нас теперь, чай, не старые времена. Это у вас в старину над народом можно было куражиться, теперь шалишь, у нас процесс и посвящение!

– Просвещение, – поправил я.

– Я и говорю. Набили мощну и радоваетесь! За деньги совесть-то не купишь!

– А что с сюртуком делать? – вернулся я к началу диспута.

– С каким сюртуком? – не понял портной.

– С этим. Сидит как на корове седло. Весь ежится. Рукава разной длины, да еще другого цвета.

– А, так ты про сюртук толкуешь?! Так бы сразу и сказал. А ты девке Марьянке вели его погладить, вот он и сядет по телу. Про уютюг слышал?

– Доводилось.

– Ну вот, а что у тебя руки разные, не беда. Ты одну, которая короче, в карман спрячь, а которая длиннее, за обшлаг заложи и стой как Напальен.

– Что еще за Напальен?

– Вот серость, – удивился портной. – Ты что, Напальена не знаешь, который Москву спалил?

– Знаю, – сознался я, поняв, что если обсуждать московский пожар, то мы никогда не дойдем до сюртука.

– А то, что цвет тебе другой бляжнется, это вообще, тьфу! Отдай выкрасить в черный и все дела. Черный (цвет – он даже лучше будет смотреться и меньше марается. Только не носи в красильню к Селиванову, спортит! Отдай моему куму Панферову. Уж этот мастер, всем мастерам мастер.

– Как ты?

– Нет, как я – таких тут и не бывало. Я, ваше степенство, так шью, что любо-дорого. Ты не смотри, что я в Троицке живу, меня не то, что в Москве или Петербурге, в Париже знают. От ихнего короля посла присылали, звали ему мантию шить! Только шалишь, оне нам Севастополь спалили, а я им буду стараться! Кукиш я ихнему послу показал.

Я подыграл портному и вежливо им восхитился:

– О чем разговор, мастера сразу видно. Только этот сюртук ты сам носи. А я пока и в поддевке похожу.

– Неужто не глянулся?

– Глянулся, да носить я его не смогу.

– Хорошенькое дело, пятый заказчик его мерит и никому не глянется. Чудеса, да и только. Тогда может, этот подойдет? – спросил портной, вынимая другой, уже покрашенный, надеюсь, не кумом Селивановым, в черный цвет. – Только он не машиной, а бабой-модисткой пошитый, – добросовестно предупредил портной.

Я примерил следующее изделие народного умельца. Этот сюртук оказался не верхом портняжного искусства, имел несколько небольших изъянов, но надеть его, за неимением лучшего, было можно.

Остальное платье, в том числе фрак, были только наметаны. Примерка и разговоры заняли около часа, так что в своей обнове, сюртуке, я предстал перед ясными глазами Екатерины Дмитриевны только в начале восьмого. Она оценила мое новое платье, надеюсь, и меня в нем.

Теперь, в относительно нормальной одежде, я перестал чувствовать себя ряженым, и сообщение о том, что у нас вечером будут гости, встретил без трепета. Правда, в связи с недавним открытием о раздолбанной машине времени, мне было не до гостей, однако, я понимал, что в городе мое появление не могло не вызвать сенсацию, и Екатерина Дмитриевна за все свои хлопоты должна получить причитающиеся дивиденды.

Гости были званы к восьми часам, и, пока прислуга накрывала столы, мы с хозяйкой сидели в гостиной и говорили о предстоящем рауте. Екатерина Дмитриевна чувствовала вину, что созвала гостей посмотреть на «раритет» и придумывала повод оправдаться.

– У нас в городе живут очень милые люди. Думаю, вам будет интересно познакомиться.

Мне действительно было любопытно сравнить жителей городка в разные времена, чем я и успокоил Кудряшову.

Первым на правах врача и друга хозяйки явился Неверов. Он был напряжен, заметно нервничал и пронизательно в нас вглядывался. Увидев, что я, наконец, в сюртуке, обрадовался:

– Значит, завтра поедем по больным? У меня два случая, с которыми невозможно справиться.

Я легко согласился, нужно было начинать зарабатывать репутацию и деньги. Быть материально зависимым от любезности хозяйки мне не нравилось.

...Гостей собралось много. С прошлого века количество «чистой» публики в городе увеличилось. поголовье чиновников, если судить по тем, что пришли в гости, по моим прикидкам, выросло раза в три. Кроме чиновников и предпринимателей, в гостях были учителя городского училища, несколько отставных офицеров, священники, местная «интеллигенция» без должностного статуса. Не было только полицейских чинов.

Как мне объяснил доктор Неверов, формально я считался просто человеком, приехавшим в гости. Выполняя мою просьбу, а больше опасаясь привлечь к городу внимание центральных властей, местные жители между собой согласились не афишировать мое необычное здесь появление. Поэтому представители полиции предпочли со мной не встречаться.

Народу собралось больше, чем ожидалось, и возникли небольшие сложности с посадочными местами. Однако, никто не был в большой претензии, даже уездные дамы оказавшиеся не на главных ролях. Я как именинник стоял возле хозяйки и знакомился с местными обывателями. Меня с любопытством разглядывали, говорили несколько ободряющих слов и уступали вновь прибывающим гостям.

Внешне публика сильно изменилась. Если раньше между разномастно одетыми барями даже мой парчовый халат, единственная одежда, которую я носил первое время пребывания в восемнадцатом веке, не вызывал удивления, то теперь мода стала строгой и одномастной. Мужчины были во фраках и сюртуках, редко в форменном платье. Дамы стали одеваться более элегантно. Изменились и лица. У большинства они стали осмысленными, что в прошлом было скорее исключением из правила.

Я пока вынужден был ограничиться только визуальными впечатлениями, разговаривать в такой обстановке было невозможно. К счастью, любопытство гостей вскоре было утолено, и интерес ко мне снизился. Екатерина Дмитриевна занялась своими прямыми обязанностями хозяйки, а я оказался как бы не у дел. Горожане разбились на группы, в гостиной составила партия в вист, молодежь собралась играть в фанты, начались громкие разговоры, и кто-то заиграл танцевальную мелодию на фортепьяно.

Я неприкаянно бродил по гостиной, и меня вежливо старались не замечать. Пока никто не проявлял особого интереса к «преданьям старины глубокой», и разговоры велись на не интересные мне городские темы.

Екатерина Дмитриевна довольно быстро разрулила обстановку, и гостей пригласили в столовую. Правнучка крепостного не ударила лицом в грязь. Ужин был роскошен. Только теперь вместо незатейливых, сытных отечественных яств, которыми пробавлялись деды, появились разные «суфле» и «бульоны», хотя пироги и кулебяки по-прежнему были в чести и, как прежде, необыкновенно вкусны.

Увеличилось количество разнообразных вин, в основном «иноземных». На столах стояли дорогие куверты, посуда была тонкого фарфора, но из «новоделов», скорее всего Кузнецовского завода.

Я не знал размеров состояния Кудряшовой, но, на мой взгляд, такой ужин стоил приличного «Мерседеса». Однако, никто размаху приема не удивлялся и принимал как должное.

Вот, что почти не изменилось за прошедшие годы, это аппетиты. Может быть, только некоторые дамы слегка умеряли себя в еде и питье. Остальные ели и пили по заветам предков, много и со вкусом. По мере того, как продвигался ужин, гости раскрепощались и стали позволять себе больше вольности против хорошего тона.

– А у кого лучший стол, – напрямик спросил сидящий недалеко от меня господин, по обличью – купец из новых русских, – у нас или у наших дедов?

Не успел я ответить, как за столом воцарилась тишина, и гости с интересом стали ожидать моей оценки.

Я объяснил, в чем состоит различие столов, что тут же породило град новых вопросов. Не ломаясь, как мог на них отвечал. Особой оригинальностью вопросы не отличались и довольно быстро начали иссякать. Теперь гостям хотелось просветить меня и доказать, что их время лучше прежнего. Спорить не было смысла, к тому же и эта тема быстро себя исчерпала. Разговор перестал быть общим и начал распадаться на частные. Начали вставать из-за стола. Молодежь вернулась к фантам, люди достойного возраста – к висту, я же примкнул к либералам, принявшимся определять пути любезного отечества. Довольно скоро у меня создалось впечатление, что никакой это не 56 год, а 91 следующего века.

– У нас теперь все пришло в движение, – начал Мне рассказывать благообразный господин. – Все, что есть порядочного в обществе, устремило взоры и внимание на устроение внутренней нашей порчи, на улучшение законов, на искоренение злоупотреблений. Мы думаем об том, как бы освободить Крестьян без потрясения всего общественного организма, мы мечтаем об введении свободы совести в государстве..

– Что нашли вы такого в русском мужике, – перебил говорившего другой либерал, видимо, сводя с ним старые партийные счета, – конечно, он умен и сметлив; конечно, нравственный его характер заслуживает уважения, но что он сделал такого, чтобы можно было ожидать от него будущего возрождения человечества?

– Только революционные потрясения смогут встряхнуть нашу «Святую Русь», – вмешался в разговор бедно одетый молодой человек. – Только мы, социалисты, новые христиане, вторично обновим мир! Нам достаточно внутреннего убеждения в истинности нашего учения!

– Вы ошибаетесь, Венедикт Фиолистратович, к нам революционные теории не только неприменимы, они противны всем нашим убеждениям и возмущают в нас нравственное чувство! – отбрил революционера суховатый джентльмен, по обличью школьный учитель. – Оставьте эти учения Прудону с братией, оставьте его легкомысленной партии красных республиканцев, всегда готовых ринуться на разрушение...

– Позвольте с вами не согласиться, Борис Федорович, такие, как вы, погубили во Франции республику и оправдали деспотизм Людовика Наполеона! – окрысился нигилист, всем видом и ужимками презирая благополучного Бориса Федоровича.

– Господа, позвольте вас примирить, – вмешался в спор революционера с либералом, человек, чем-то похожий на режиссера Говорухина, видимо, из принципиальных побуждений недовольный вообще всем окружающим. – Дело совсем в другом, больше нет людей, способных отстаивать прежние права и вечные требования справедливости! Если при Николае было хоть сколько-нибудь замечательных людей во главе управления, то он им обязан временам Александра. Откуда придется брать помощников ныне правящему государю императору? Александровские помощники вымирают, а новых нет! А происходит это потому, что раньше было больше свободы мысли.

– Внутренняя язва России, которая с каждым днем делается все более и более и точит ее живой состав – это лихоимство, – заявил очередной витий. – Оно есть во всех возможных видах и всех ступенях общества. Меры, принятые до сих пор нашим правительством против столь вкоренившегося зла, оказались недейственными. Напротив того, зло растет, расширяется, проникает даже в такие сферы, которые искони считались недоступными взяточничеству и продажности. Тут ничего не действует: ни вмешательство тайной полиции, ни особые комиссии, ни строгие меры и наказания.

С этими заключениями нельзя было не согласиться. Единственно, что могло удивить, это поразительная живучесть нашего государства, пребывающего в язвах и струпьях одно столетие за другим и живое доныне.

– Я знаю, что делать, господа! – вскричал один из гостей, только что присоединившийся к компании «компатриотов». – Гласность! Великое слово! Гласность вносит свет во тьму, а свет гонит и обличает ночных птиц. Гласность мешает в мутной воде ловить рыбу! Это Божий свет, гласность есть тот свет!

Меня такие гражданские страсти несколько обескуражили, и я потихоньку отделился от группы спасителей отечества. Мало ли что! Вдруг за такие вольные разговоры начальство по головке не погладит! Все оно, конечно, прекрасно, только я таких народных спасителей и домашних философов достаточно наслушался и насмотрелся по телевизору. Вот где было бы самое место вездесущему Жириновскому.

«Чего это у нас за страна такая, – горестно размышлял я, направляясь к дамам, собравшимся в свой кружок во главе с хозяйкой дома, – все ее спасают, да никак не спасут».

Дамы, в основном, не юного и еще более достойного возрастов, обсуждали несостоявшийся любительский спектакль.

– Как бы было, голубушка Екатерина Дмитриевна, прэлэсно для просвещения умов и улучшения нравов... – говорила женщина, одетая по моде, но с нелепыми «наворотами» на платье, отличавшими ее от других дам. – Пиэса пустяшная, но востра! Жаль, автор из плэбеев, все про купцов пишет.

– Что за пьеса? – тихонько поинтересовался я у хозяйки.

– «Утро молодого человека».

– Островского? – машинально вспомнил я.

Екатерина Дмитриевна странно на меня посмотрела. Я попытался поправиться, но не сообразил, как, и отошел от греха подальше. «Потом между делом скажу, что видел книгу у ее библиотеке», – решил я.

Гости веселились, как умели, я же чувствовал себя не в своей тарелке. На меня продолжали смотреть с любопытством, но безо всякого уважения, как на ученого медведя в цирке. Может быть, от нервического состояния или из-за меланхолии (вот как я уже научился выражаться!), мне никто из многочисленной компании не понравился. Между тем, столы, за которыми мы ужинали, прибрали, и прислуга готовила залу к танцам.

Я не нашел ничего веселее, как отправиться в буфет, куда периодически навевывалась мужская часть общества. Над бутылками и бокалами колдовал приглашенный со стороны буфетчик. Здесь оказалось самое веселое место. После третьего бокала французского шампанского я начал видеть уездных жителей совсем в ином свете. Среди них оказалось много милых людей. Постепенно сюда же стянулись спасители отечества – либералы. Пик их активности уже прошел, и язвы общества не казались такими страшными. Только плохо одетый революционер Венедикт Фиолистратович между «Лафитом» и «Клико» поругивал аристократов.

Как я понял, император Николай Павлович, после декабрьского восстания 1825 года перестал доверять высшему дворянству, и титулованные особы перестали выпячивать свою геральдическую исключительность, При новом императоре гербы отмыли от пыли забвения, и все, кто только могли, опять начали именовать себя князьями и баронами, требуя полагающихся привилегий.

– Павел Петрович как говорил: «Ты аристократ, пока я тебя вижу, а как не вижу, ты никто»! – апеллировал к сомнительному авторитету убитого царя будущий народник.

– Вам доводилось видеть императора Павла? – спросил меня незначительный господин с пьяным и глупым лицом.

– Доводилось, – сознался я. – Как-то мы с ним беседовали.

– Ну и как он, что был за человек? – заинтересовались присутствующие.

– Обычный реформатор, хотел единолично всю Россию переделать, да надорвался. Знаете, как по этому поводу говорится: «хотел как лучше, получилось как всегда».

– Но он был прогрессивен?! – то ли спросил, то ли констатировал зашарпанный революционер.

Меня этот товарищ начинал раздражать тем, что на халяву пил как воду только самые дорогие иноземные напитки, брезгуя народной водкой.

– Он был такой же великий император, как вы великий революционер, – сказал я, не очень заботясь о нежных чувствах Фиолистратовича.

Последний хотел было возникнуть, но икнул и торопливо ушел из буфета.

– Он, что у вас, местный дурачок? – спросил я буфетную компанию.

– Венедикт из поповичей, – пояснил любитель гласности, – был отчислен из семинарии, занимался торговлей, а теперь разгильдяй.

– А раньше им не был? – спросил я, удивившись, что разгильдяем революционер стал только теперь.

– Был купцом второй гильдии, да за дебоши из гильдии изгнали-с. Однако, хотелось бы узнать ваше мнение о гласности?

– Ерунда все это, если на гласность смотреть, как на средство против лихоимства, – честно сказал я. – Ну, обличите вы чиновника взяточника, а он заявит, что вы его оклеветали, что для этого вас подкупили его враги. Придется создавать комиссию, чтобы она разобралась в обстоятельствах. Вот и будет ваша правда против его денег. Он купит членов комиссии, и вы же окажетесь клеветником.

– Не всех можно купить! – гордо заявил либерал.

– Конечно, есть много честных людей, но вы сами недавно говорили, что кругом взяточничество?

– Именно так-с.

– Вот вам и ответ на наш вопрос. Чтобы добиться толка, придется для надзора за каждым нечестным чиновником содержать комиссию из других чиновников, часто таких же взяточников.

Такая циничная логика была, по-моему, новой для времен «надежды и иллюзий», периодически произрастающих в нашем вечно жаждущем справедливости государстве.

– Так, по-вашему, зло неискоренимо? – сердито спросил либерал.

– Не знаю. Я торжества справедливости пока нигде не наблюдал.

– То, что вы говорите, совершенно безнравственно. Есть высокие принципы, коим следует всякий порядочный человек. Это принципы служения отечеству и государю! И таких людей в России большинство!

– Коли так, прошу меня извинить, я, вероятно, неправильно вас понял, когда вы обличали пороки общества. Ежели все так чудесно, то стоит ли из-за нескольких лихоимцев растлевать и волновать народ гласностью?

Либерал совершенно озверел от собственных противоречий и собрался обрушить на мою голову водопад своих наивных мечтаний. Однако, я вовремя уловил приближающуюся опасность и, любезно улыбнувшись, оставил за ним поле боя.

Когда я уже выходил, в буфетной заговорили все разом.

Вечеринка, между тем, перешла в заключительную фазу. Кое-кто уже уехал, другие собирались. Только игроки в вист отрешенно сидели за ломберным столиком.

Екатерина Дмитриевна выглядела утомленной, Видно было, что у нее опять сильная мигрень. Я пошел в сад подышать свежим воздухом и, спускаясь с крыльца, понял, как сильно пьян. Опьянение было, что называется мягкое. Голова вроде бы работала нормально, а вот члены совсем расслабились. Я ушел подальше от дома и сел на скамейку.

Яркое осеннее небо с мириадами звезд висело над головой. Как всегда в такие моменты, потянуло на философствования. Мир был огромен, а я никому не нужен, Мне стало грустно и одиноко. Что, в конце концов такое моя маленькая жизнь? Кому я нужен на этой большой, равнодушной земле? У меня нет ничего, даже своего времени, Я затерялся, запутался. Во всей огромной стране, во всем мире, не найдется человека, который бы меня любил!

У придурочных провинциальных «либералов» есть хотя бы иллюзии, они верят в свои придуманные истины. Во что верю я? Что есть за душой у меня, кроме позы, пижонства и суетности? Мне сделалось сначала стыдно, потом жалко себя. Я чуть не заплакал.

Пока я горевал о своей загубленной жизни, последние гости разъехались по домам. В сад вышла Марьяша и передала, что меня ждет Екатерина Дмитриевна. Я вспомнил, что у нее сильно болит голова, и на ватных ногах отправился в дом. Свет в общих комнатах был уже потушен. Привлеченная прислуга разошлась по домам.

Марьяша протяжно зевнув, пожелала мне спокойной ночи и ушла к себе. В темной гостиной никого не было. Я пошел по неосвещенным комнатам в спальню хозяйки. Дверь в ее комнату была неплотно прикрыта, через щель пробивался свет. Я без стука вошел и направился прямо к кровати. Комнату освещала одна свеча в канделябре на туалетном столике. Екатерина Дмитриевна лежала на высоко взбитых подушках, прикрытая тонким одеялом. Я споткнулся о кресло и, чтобы не упасть, грузно опустился прямо на постель.

– Сейчас я вам помогу, – пообещал я, не очень ладно ворочая языком.

Я сосредоточился и, подняв руки над ее головой, начал сеанс. Лицо женщины было скрыто тенью, и я не мог по глазам определить эффективность лечения.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спросил я, понимая, что руки перестают мне служить.

– Спасибо, мне лучше, – шепотом ответила она.

– Вот и прекрасно. Выспитесь, и все будет хорошо.

Я собрался встать, но не удержался и опустил руки ей на голову. Пальцы утонули в теплых, пушистых волосах.

– Так я пошел, – зачем-то сказал я, понимая, что уже не смогу уйти.

Екатерина Дмитриевна ничего не ответила, и я почувствовал, что она вся дрожит. Не соображая, что делаю, я наклонился к ее лицу и припал к губам. Она никак на это не отреагировала, но это меня не остановило. Я жадно ее целовал, как будто прятался в ней от одиночества. Еще не кончился первый поцелуй, а я уже стянул с нее покрывало и потянул вверх подол ночной сорочки. Рубашка была из очень тонкой шелковистой материи и, когда я рванул сильнее, с треском разорвалась.

Екатерина Дмитриевна попыталась отстраниться, оттолкнуть меня, но я сжал ее тело и навалился всем своим весом. Каким-то чудом я одновременно сумел содрать с себя брюки и без подготовки, грубо и, наверное, больно, взял ее. Она вскрикнула, когда я ворвался в нее, и замычала сквозь сжатые зубы, мечась головой по подушкам. Я почти не понимал, что делаю, наслаждаясь грубой, примитивной страстью.

Дальше все было как в тумане. Алкоголь притупил чувственность, и я никак не мог завершить свой безумный порыв. Что делала и как принимала меня Екатерина Дмитриевна, меня не интересовало. Во всяком случае, утром я не смог восстановить в памяти последовательные события этой ночи. Это был какой-то взрыв безумной чувственности, ничем не контролируемой страсти. Будь моя хозяйка опытной женщиной, то такая ночь была бы для нее подарком судьбы, но дело в том, что она была девственницей, и животная сторона любовных отношений должна была вызвать у нее отвращение и неприятие.

Глава 5

Утром меня разбудил доктор Неверов. Я с трудом продрал глаза и долго не мог понять, чего он от меня хочет. Было уже хорошо то, что после всего, что натворил, я вернулся в свою комнату и не скомпрометировал изнасилованную женщину, оставшись в ее спальне.

– Алексей Григорьевич, вы обещали поехать со Виной к больным, – в третий раз повторил Неверов, когда до меня дошел, наконец, смысл его слов.

– Да, да, конечно, поехали, – заторопился я, выбираясь из постели.

Отъезд из дома отсрочивал объяснение с хозяйкой. Похмелье после вчерашнего перебора было нетяжелым, сказывалось высокое качество выпитых вин. Я быстро оделся и заявил, что готов. Мы вышли из дома, и я полной грудью вдохнул сырой осенний воздух. За ночь небо покрылось пеленой низких облаков, и, того и гляди, мог начаться дождь.

У Неверова была легкая одноколка, запряженная гнедой кобылой.

– Как Екатерина Дмитриевна? – спросил доктор как бы между прочим. – Что ее мигрень?

– Откуда мне знать. Мне бы сейчас со своей головой разобраться, – хмуро ответил я. – Что у вас за больные?

– Молодой человек со скоротечной чахоткой и женщина с опухолью.

Как оказалось, Неверов меня приловил. Он повез меня к совершенно безнадежным больным, чтобы не дать возможности сделать себе рекламу. Видеть умирающих людей было тягостно, особенно юношу, почти мальчика, съедаемого туберкулезом легких в открытой форме. Я попытался «дать ему установку на выздоровление», однако, запущенность болезни и состояние, были, как говорится, «несовместимы с жизнью».

– А вот городские старожилы вспоминают, – с легкой насмешкой подытожил мои тщетные попытки помочь больным Неверов, – что раньше вы подымали лежащих во гробе.

Такая многолетняя слава мне польстила, но настроение не улучшила. Я пожал плечами и промолчал.

– Я нынче собираюсь делать операцию, не хотите ли сосприсутствовать? – предложил мне ревнивый эскулап.

– Извольте, «поприсутствую», – безвольно согласился я, только чтобы не возвращаться домой. По пути к больному, Неверов принялся хвастаться, какой он отменный хирург и каких похвал удостоивался от профессуры обоих университетов, в которых обучался и проходил практику. Мне это было совершенно неинтересно, но я из вежливости делал вид, что заинтересованно слушаю, и сочувственно кивал головой. Больным оказался мужчина средних лет. Вырезать ему нужно было жировик на спине, выросший в размер куриного яйца. Операция проводилась прямо в комнате, на обеденном столе. Больной, кряхтя, на него взгромоздился и, сцепив руки, приготовился терпеть боль. Неверов, как бы раскланявшись с подразумеваемой публикой, артистическим движением вытащил из нагрудного кармана сюртука скальпель, отер его носовым платком и решительно подступился к больному. Такая простота меня поразила настолько, что я еле успел перехватить его врачующую руку.

– Вы что это делаете?! – с ужасом спросил я.

Неверов, снисходительно посмотрел на меня и, освободившись, успокоил:

– Зря вы беспокоитесь, операция пустячная, я ее выполню за пятнадцать минут! Если вы интересуетесь настоящей университетской медициной, то вам бы не грех немного подучиться!

Разговаривать с доктором при больном было бестактно, да и не было его большой вины в некотором отставании от передовой медицинской мысли.

– Придется перенести операцию на другое время, – решительно заявил я недоумевающему пациенту. – Нам с доктором нужно переговорить по медицинским вопросам.

Неверов, ничего не понимая, смотрел на меня круглыми глазами.

– Пойдемте, доктор, нам пора, – сказал я и, пользуясь превосходством в физической подготовке, силком вытащил его из «операционной».

– Что случилось, как вы посмели прервать лечение! – начал возмущенно говорить Неверов, как только я затолкал его в двуколку.

– Прежде чем делать операции, не грех было бы познакомиться с последними достижениями науки в хирургии, – сердито сказал я. – Я в вашем времени всего несколько дней, и то успел узнать, как нужно готовить больного к операции. То, как вы собрались ее делать – прямое убийство!

Неверов вытаращил глаза, не зная, как реагировать на мои слова.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Я говорю о стерилизации и анестезии. Если бы вы меньше занимались красивыми дамами, а больше медициной, то знали бы, что и во Франции, и в России...

Далее я начал вешать лапшу на докторские уши, апеллируя к уже известному Пирогову и пока не известному Пастеру. Все это я вроде бы вычитал в периодике.

После пространного вступления я объяснил Неверову, как нужно стерилизовать хирургический инструмент и готовить больного к операции.

– А теперь позвольте откланяться, – сказал я, когда мы проезжали мимо дома, где меня так гостеприимно приютили, и соскочил с двуколки.

Сколько ни прячься, но ответ держать придется.

– Где Екатерина Дмитриевна? – спросил я Марьяшу, которая открыла мне двери.

– В гостиной, – ответила она, не проявляя к моему возвращению никакого интереса.

Я пошел прямо к ней. Екатерина Дмитриевна сидела в кресле у окна. При моем появлении она вздрогнула и, не глядя на меня, кивком ответила на приветствие.

– Благодарю вас, хорошо, – ответила она на вопрос о состоянии здоровья.

– Нам надо объясниться, – начал я, не зная, в какой форме продолжить разговор. – То, что произошло вчера... я понимаю, никакие оправдания...

– Да, да, вы вправе считать меня отвратительной женщиной! То, что я вчера... – взволнованно выговаривала Кудряшова, путаясь и небрежно произнося слова.

Я сначала не понял, что она имеет в виду, но быстро врубился в ситуацию. Жертва сексуального насилия посчитала себя его причиной.

– Я не знаю, что на меня нашло, может быть виной вино, что я выпила... Вы вправе отказать мне в уважении... Я не знаю, как мне оправдаться..

Пусть крутые мачо меня осудят, но я поступил так, Как подсказало сердце: я пал к ее ногам.

Екатерина Дмитриевна вздрогнула и откинулась на спинку кресла. Однако, я успел завладеть ее руками и начал покрывать их поцелуями.

– Это не вы, а я во всем виноват. Со мной случилось наваждение, я не сумел совладать со своими чувствами (какая женщина не найдет в этом извинение). Вы Так прекрасны (а я был в стельку пьян), я не знал, что творю (знал, мерзавец!)...

– Нет, нет, не вините себя, это не вы, а я виновата, я, я...

Дальше она продолжить не смогла. Я восстал с колен, заключил ее в объятия и надолго припал к губам.

Что бы ни говорила Екатерина Дмитриевна, как бы ни корила себя, считая, сообразно существующей морали, виноватой во всем, я не собирался делить с ней ответственность. Я поступил, как скотина не потому, что ЭТО произошло, ОНО должно было произойти, не раньше, так позже, моя вина была в том, что это случилось так скомкано и грубо.

Мой затяжной поцелуй окончился внезапно обмороком красавицы. Я не стал звать на помощь, а, взяв ее на руки, отнес в спальню.

Когда я опускал тело на постель, оно немного ожило и даже обняло меня за шею.

Я бережно уложил хозяйку и продолжил то, что начал в гостиной. Она уже оправилась настолько, чтобы отвечать на мой поцелуй робкими, неловкими губами

Я все крепче сжимал ее в объятиях. Говорить мы не могли, было не до того, да и губы все время были заняты. Катя задыхалась, но не отстранялась от меня, пока я сам не дал ей возможности вздохнуть. Она совсем не умела целоваться и не догадывалась дышать носом.

– Подожди, – прошептал я – Дай мне свои губы. Делай как я

Училась она очень быстро. Поцелуи делались все более глубокими и долгими. Я просовывал язык между ее зубами, и она отвечала мне тем же. Меня опять понесло. Я начал сдирать с нее капот, под которым ничего не оказалось. Это так меня завело, что я набросился на нее, не успев снять даже сапоги.

Я как-то читал в воспоминаниях прелестной женщины, актрисы Татьяны Окуневской, о том, как во время первой близости ее будущий муж, писатель Горбатов, овладел ею в сапогах. Это так ее шокировало, что запомнилось на всю жизнь.

Не знаю, чем руководствовался Горбатов, у меня были смягчающие вину обстоятельства. Сапоги Ивана Ивановича, покойного купца, были мне малы и, чтобы их снять, требовалось слишком много времени. Допустить, чтобы обнаженная, в разодранной одежде, пылающая желанием женщина будет ждать, пока я, чертыхаясь, прыгаю на одной ноге по комнате, стягивая с себя тесную обувь, я не мог. Пришлось пожертвовать эстетикой ради страсти.

Мне показалось, что Екатерина Дмитриевна этой детали значения не придала.

Ей, как и мне, было не до того. «Отложенная» чувственность, мучавшая ее многие годы, теперь выплеснулась в такую страстную ярость, что она забыла обо всем, даже о незапертой двери спальни.

...Пока еще неопытная, действующая на инстинктах, эта женщина была поистине прекрасна в своей ненасытной страсти...

Мы катались по ее широкой пуховой кровати, соревнуясь в силе объятий...

Первым опомнился я. Вчерашняя пьянка, бессонная ночь и нынешнее угнетенное раскатыем утро подорвали силы, и я вскоре сдался на милость победительницы.

– Может быть, сначала пообедаем? – робко предложил я, когда почувствовал, что больше никакая сила не сможет заставить меня повторить то, что мы только что делали.

– Ты меня любишь? – спросила Катя, выгибая свое прекрасное тело, одетое только в обрывки капота.

– Люблю, – сказал я, проглотив слово «конечно».

Все происходило слишком быстро и так по-другому, чем с Алей, что я сам еще не разобрался в своих чувствах.

– И ты меня не презираешь?

– Послушай, милая, давай эту тему больше не поднимать. Я не твой современник, и у меня другое отношение к женщинам,

– Хорошо, иди в столовую, я хочу одеться.

– Жду тебя, – сказал я, почти целомудренно поцеловав ее в щеку, – приходи скорее

Мне, в отличие от Екатерины Дмитриевны, как я еще ее по инерции называл, привести себя в порядок было несложно: подтянуть брюки и надеть сюртук

В столовой я наткнулся на понимающий, насмешливый взгляд Марьяши, но не пожелал на него ответить.

– Можно накрывать, – сказал я ей. – Екатерине Дмитриевне уже лучше, она скоро выйдет.

Марьяша, откровенно хмыкнула и, оценивающе осмотрев меня, отправилась на кухню, демонстративно качая бедрами. Девушка она была очень приятная но сейчас мне было не до того.

– Подали обед? – спросила, входя в комнату, Катя.

Она надела голубой шелковый капот и небрежно сколола волосы шпильками. Обычно Катя носила гладкую, разделенную спереди на прямой пробор прическу с локонами на затылке. Сейчас, когда ее волосы были во взъерошенном, живописном беспорядке, она сделалась совершенно неотразимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.